

Ольга Клионская

Я, ОН, ОНА И ДРУГИЕ, ИЛИ
ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ
ИСТОРИЯ, ПОЛНАЯ
ЗАГАДОК, ВСЕОБЩЕЙ
ЛЮБВИ И МОЕЙ ГЛУПОСТИ

Ольга Клионская

**Я, он, она и другие, или
Почти детективная история,
полная загадок, всеобщей
любви и моей глупости**

«Издательские решения»

Клионская О.

Я, он, она и другие, или Почти детективная история, полная загадок, всеобщей любви и моей глупости / О. Клионская — «Издательские решения»,

Успешная самодостаточная москвичка, приехав в маленький городок на свадьбу подруги юности, оказывается втянутой в странную историю, полную интриг и тайн. Все вокруг, включая хозяйку, явно находятся в преступном сговоре. Пытаясь раскрыть злонамеренные планы подозрительных гостей, героиня все больше запутывается, совершает множество ошибок, влюбляется в чужого мужа и терпит позорное поражение. Открытие ошеломляет. Оказывается, виной всему её беспредельная глупость.

© Клионская О.

© Издательские решения

Я, он, она и другие, или Почти детективная история, полная загадок, всеобщей любви и моей глупости

Ольга Клионская

© Ольга Клионская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Я уже тысячу лет не ездила в поезде. По крайней мере, года четыре. Я ничего никогда не преувеличиваю, просто так ощущаю. Иногда и четыре года могут тянуться как тысячелетие. У меня, например.

Привычка все преувеличивать не имеет ничего общего со стремлением обмануть кого-либо или немного приукрасить ситуацию. Я не патологическая врушка, у меня просто бесконечно развито воображение. Я страшная фантазерка, но, как ни странно, абсолютно адекватно воспринимающая действительность. Возможно, именно поэтому до сих пор ни разу не была замужем.

Поскольку моя профессиональная деятельность связана с мужчинами, замуж я могла выскочить раз двести или триста. Но богатая фантазия, рисующая в моей прекрасной головке Роберта де Ниро, читающего толстую умную книгу, лежа на диване, разбивалась о вторую часть характера. Я с первого взгляда видела все недостатки, пороки и притворство потенциального претендента на мою независимость и мой диван, даже несмотря на его (претендента) потрясающую внешность и затуманенный страстью взгляд кинозвезды мирового масштаба. Увы... Истинный Роберт де Ниро являлся мне только на киноэкране, а незаурядная прозорливость подсказывала, что чудес не бывает, и вероятность столкнуться в толпе на Тверской с героем тайных грез равна нулю.

Короче, однообразие окружающей действительности уже давно переросло в естественный и привычный стиль моего бытия. В нем вдруг перестали происходить какие-либо важные судьбоносные события или встречи. Одинаковые дни бежали друг за другом, ничего не меняя в жизни, не вызывая новых эмоций или потрясений и не предвещая перемен в будущем. Пресловутое: дом – работа, работа – дом и опять дом – работа... Но наконец-то и у меня произошло хоть какое-то событие. Все началось с телефонного звонка.

Мне неожиданно позвонила давняя подруга Маня. Мы не виделись примерно две тысячи лет, а ведь когда-то, давным-давно были удивительно близки, знали друг о дружке буквально все, часто перезванивались и даже переписывались. Познакомились мы на курсах повышения квалификации. Маня жила в другом городе, но это не помешало нам сблизиться и подружиться на долгие годы. Полное имя Мани было удивительным – Марьяна Серафимовна. Просто девятнадцатый век! Она и сама полностью соответствовала своему старинному имени. Тихая, необычайно серьезная, сентиментальная и мечтательная. Сейчас таких не производят. Я же говорю – девятнадцатый век, утопия...

Подруга приглашала меня на свою четвертую свадьбу. Поскольку никаких неотложных дел в ближайшее время не предвиделось, я с легкостью и даже с удовольствием купила билет до указанной станции и уже сутки тряслась на комфортабельной верхней полке пассажирского поезда. Вопреки предположениям подруги, вагон был переполнен, и мне просто чудом удалось купить билет. Общаться с соседями по купе не хотелось, поэтому, лежа на своем уютном ложе, я вспоминала года ушедшей юности, подругу и наши встречи двадцать лет назад...

...Мане повезло в жизни. Когда-то ее родители развелись, и в результате сложных обменов, дележей имущества и переездов она стала обладательницей собственной двухкомнатной квартиры в областном центре. Тогда мы еще не были знакомы, ведь ей стукнуло только семнадцать. Потом Манечке повезло еще раз. Ее благословенные предки создали новые семьи и разъехались в разные стороны огромной страны, оставив дочь без круглосуточного утомительного надзора.

На ее месте любая из моих столичных подруг давно бы покатила по наклонной плоскости, устраивая бесконечные вечеринки, заводя многочисленных поклонников и организуя с ними недвусмысленные отношения. Любая, но не Маня. С рождения обладая весьма строгими взглядами на жизнь и взаимоотношения полов, плюс необыкновенной для такой молодой девушки хозяйственностью, моя подруга построила свой быт безупречно и рационально.

В одну из комнат она пустила квартирантку, тоже отличавшуюся повышенной нравственностью, серьезным отношением к жизни и обладавшую весьма интеллигентной профессией. Квартирантка преподавала сольфеджио в музыкальной школе и являлась непревзойденным образцом классической старой девы. Музыкантша была неременным и обязательным членом дружеских вечеринок, которые иногда устраивала Маня, что придавало этим самым вечеринкам ощущение присутствия кого-то из родителей.

Сама Манечка работала телеграфисткой в местном аэропорту, а потому среди ее знакомых было немало свободных парней, одетых в потрясающе красивую форму летчиков гражданской авиации, живущих в общежитии и жаждущих приятных отношений со слабым полом. Весть о том, что молоденькая связистка является хозяйкой собственной жилплощади, разнеслась довольно быстро. Вот почему Манечка постоянно находилась в окружении веселых молодых мужчин, частенько предлагающих провести вместе вечерок, послушать музыку или почитать стихи. Простодушная Маня, абсолютно уверенная в том, что предложения бесквартирных летчиков ни что иное, как проявление самой настоящей бескомпромиссной дружбы, охотно предоставляла для встреч свою двушку.

Цена уникальную возможность собираться не в многолюдном общежитии под контролем строгих воспитателей, а в благоустроенной квартире с горячей водой и отдельным туалетом, летчики не злоупотребляли доверчивостью и чистотой помыслов юной Мани, а оттягивались, как могли, приглашая с собой специально обученных длинноногих подружек. Даже в присутствии суровой и нравственной музыкантши, постоянно разбиравшей ноты, гости всегда могли найти момент и уединиться парочкой на кухне, в ванной или в темной прихожей.

Если вечеринка неожиданно затягивалась, выходила из-под контроля или принимала опасный оттенок, Маня строгим, не терпящим возражений голосом требовала поостыть и продолжить слушать музыку или поговорить о книжных новинках. Гости ненадолго замолкали, внимая хозяйке, щедро осыпали ее комплиментами и уверениями в искренней дружбе, а затем, выдержав положенную паузу, продолжали опустошать бутылки дешевого вина, рассказывать скабрзные анекдоты и зажиматься с подружками. Именно в этот период жизни я и познакомилась с Маней.

Я сразу обратила внимание на ровесницу, которая выглядела, однако, лет на пятнадцать старше. Внимательный взгляд и полное, просто катастрофическое отсутствие чувства юмора выделяли ее из всей группы – веселой и непринужденной. Как каждая красавица, я любила окружать себя подругами, подчеркивающими мою незаурядную внешность, то есть блеклыми,

невыразительными и невостребованными мужчинами. Маня полностью соответствовала моим взглядам на потенциальную подругу, и мы подружились. Однако, узнав ее поближе, я поняла, что Маня все же обладала некоторыми достоинствами. Я никогда не была маменькиной дочкой, несмотря на то, что жила с родителями и была окружена круглосуточной опекой, заботой и любовью. Умела делать кое-что и по хозяйству, и по жизни. И все-таки, впервые побывав в гостях у Манечки, испытала определенный стресс. Маня умела не кое-что, а ВСЁ!

Шкафчики в ее квартире были заполнены банками с вареньями и соленьями, собственноручно приготовленной тушенкой, маринованными грибами и консервированными компотами. Необыкновенная чистота в ее отлично отремонтированной скромной квартире поражала, прежде всего, тем, что была хронической, то есть постоянной, а не устроенной впопыхах в связи с приходом гостей или участковой врачихи. Наряды Манечки, хоть и не были фирменными, вполне соответствовали современной моде, были сшиты аккуратно и по хорошим лекалам из Бурды.

Как оказалось в дальнейшем, Маня сама занималась шитьем и достигла в этом практически совершенства. Она шила себе все – от купальников до легких шубеек, не уступающих по изяществу фабричным. Наконец, Маня отлично вязала. Должна признать, что и здесь она достигла потрясающих успехов. Она вязала не просто так, а с большим знанием дела, выбирая самые сложные модели из журналов по рукоделию. Нужно заметить, что несколько раз я обращалась к ней с просьбой связать какую-нибудь модную штучку: ажурный жилет, свитерок или шапочку с шарфом на зиму. Но через какое-то время я получала совсем не то, что хотела. Вместо жилета – старушечью кофту с поясом и карманами, вместо свитерка – смехотворное полосатое пончо с бахромой, а нитки для шапочки шли на нелепый шарф-капюшон. Возмущаясь и жалуясь подругам, тем не менее, я с удовольствием влезала в уютную кофту, оказавшуюся незаменимой в межсезонье, шеголяла в пончо при выездах на природу и укутывала шею длинными концами стильного капюшона.

Все это, безусловно, было случайностями, доказывающими лишь, что Маня обладала твердым неисправимым характером. Кроме того, моя новоявленная подруга самостоятельно изучила немецкий язык и даже делала переводы соседским старшеклассникам и знакомым студентам-заочникам.

Обладая такими многочисленными, неоспоримыми даже мною достоинствами, Маня совершенно не умела хвастаться, кичиться знаниями и умениями. Насколько я помню, такая скромность была в ходу в том же девятнадцатом веке, что и ее имя. Я не умела ни готовить сложные блюда, вроде запеллинов или чахохбили, ни консервировать фаршированный перец, ни клеить обои на предварительно оштукатуренные стены. Вязание вызывало у меня аллергию, а сшитая на уроках труда в школе ночнушка могла стать прекрасным экспонатом на выставке самых неаккуратных изделий. Но никакого комплекса несовершенства рядом с подругой я не ощущала. Ведь я была очень красивой, причем всегда, с самого рождения. Стройная, длинноногая и большеглазая, с пухлым губами и нежной фарфоровой кожей.

Моя бедная подруга, увы, не могла похвалиться ничем подобным. Ее широкое славянское лицо постоянно было покрыто мелкими розовыми прыщиками, рыхлая фигура отличалась полным отсутствием талии, а тяжелая походка не имела ничего общего с женским изяществом. Помимо всего прочего у Манечки была ну просто огромная грудь, до неприличия огромная. Еще в первый вечер моего пребывания в гостях у Мани, когда она, сидя в пижаме на низкой раскладушке (диван был предоставлен для гостя, то есть для меня), рассказывала о приятелях, я поразила её необъятным размером. Высвобожденная из тисков бюстгальтера

примерно двадцать пятого размера, грудь лежала на коленях хозяйки, превращая подружку с бесформенное тестообразное существо.

Именно поэтому, слушая ее серьезные рассказы о поклонниках и друзьях, среди которых были одни мужчины, я не верила ни одному ее слову. Бедняжка, думала я, она наверняка принимает желаемое за действительное. Бедная, бедная, бедная... Ни один мужчина, на мой взгляд, не променяет неустроенный быт с рваными носками и полуголодным существованием на эту замечательно чистую квартирку с полными шкафами и холодильником. Ведь, в конце концов, мужчины хотят только одного: чтобы рядом с ними было очаровательное, нежное, пусть глуповатое, но страшно сексапильное существо. Сексуальностью же, как и чувством юмора, моя подруга не обладала совершенно. Даже удивительно! Казалось, этими качествами каждая женщина наделена от природы. Но в данном случае этого не произошло. Не случилось. Но все вышеперечисленное не имеет к нашей истории никакого отношения. Хотя...

В том, что я была абсолютно права, я смогла убедиться на следующий же день, когда поздно вечером в нашу дверь позвонили. На пороге стояло человек шесть красивых молодых летчиков. Тут было, где развернуться... Я ощутила необыкновенный прилив творческого вдохновения. Но несколько подготовленная подругой, я знала, что молодой человек по имени Сергей уже занят. Ею. Как ни странно, Сергеем оказался самый симпатичный и общительный парень. Смущаясь, Маня успела поведать мне, что именно на него запало ее честное и чистое сердце. Причем это «западание» было, по ее мнению, взаимным. Что не мое, то не мое. Этим нехитрым принципом сохранения дружбы я следовала всегда. Вот почему за Сергеем я наблюдала только с чисто спортивным интересом. Наблюдения показывали, что между этой парочкой и в самом деле установились отношения за пределами обычной дружбы.

Прибывшая компания была действительно веселой. Мы славно провели время в разговорах, дегустации молдавского вина и в прослушивании модных записей. Квартирантка безвыходно сидела в своей комнате, полагая, что за нравственностью Манечки есть кому последить. Постепенно пятеро из прибывших ретировались, и в небольшой гостиной осталось трое: я, моя подруга и Сергей. Маня усадила нас на диван, села посередине и с удовольствием стала показывать фотоальбом. Она так подробно комментировала каждый снимок: когда, где и кем он был сделан, что мы с Сергеем откровенно скучали, хотя старались не показывать этого и даже задавали кое-какие наводящие вопросы. Альбом был толстым, причем на каждом развороте его помимо приклеенных и подписанных находилась целая стопка безымянных карточек. Конца демонстрации не было видно. Сергей сидел, удобно забросив ногу на ногу и положив руки на спинку дивана. Меня уже начало клонить ко сну, когда я ощутила на своей шее нежное прикосновение мужских пальцев.

Делая вид, что внимательно рассматривает очередную серию снимков с последнего выезда на природу и, время от времени, целуя Манечку в широкую щечку, он беззастенчиво заигрывал со мной за ее спиной. Это было так бессовестно и подло по отношению к подружке, что я напряглась.

Не зная, как реагировать, я попыталась незаметно освободиться от его руки, но ловелас проявлял все более и более настойчивые поползновения на мою территорию. Вскочить и дать этому мартовскому котяре по морде, было проще всего, но как же мне было жаль добросердечную Манечку, уверенную, что сидит рядом со своим суженым. И так, демонстративно обратив внимание на его поведение я не могла. Это привело бы Маню только к душевным страданиям и дополнительным комплексам. Этого допустить было нельзя. Поэтому я решила, что сообщу о не совсем этичном поступке ее бой-френда в мягкой форме, наедине, хорошо подготовив предварительно.

Я просто перестала обращать внимание на шаловливые пальчики самоуверенного красавчика и полностью углубилась в процесс созерцания фотографий. Сергей же беззастенчиво продолжал свои подлые действия, пощипывая мне ушко, теребя волосы, поглаживая шею. Может,

все-таки надо было отвесить ему пощечину? Но мне было всего девятнадцать, и что я знала о жизни? Ничего. А если он просто перепутал и, лаская меня, был вполне уверен, что ублажает Маню?

Насколько же велико было мое удивление, когда, уже прощаясь в коридоре, этот козел улучил момент и запустил руки мне под блузку. Думаю, он по-своему расценил мое молчание и отсутствие сопротивления. Маня, к счастью, ничего не заметила. Не страшно. Я обо всем расскажу ей потом. Позже. Нельзя же находиться в полном неведении относительно своего окружения. Ведь невооруженным взглядом было заметно, что милого летчика по имени Сергей прельщает не сама Маня, а ее жилплощадь, бесплатный ужин и приятный вечер в домашних условиях.

Но рассказать обо всем подруге я так и не смогла. Сначала не возникало необходимой ситуации, а потом он и сам исчез из ее жизни. Уж не знаю по чьей инициативе. Или ему надоело паясничать, или Манечка прознала-таки о его похотливых наклонностях, но больше я никогда о нем не слышала. И, слава Богу! Еще неизвестно, кому повезло...

Возможно, Манечка была не так наивна и несведуща в делах сердечных, как это казалось. И, вероятно, видела и понимала гораздо больше, чем думала я. Иногда Маня любила выкурить легкую сигаретку. Маленькая слабость, которую она себе позволяла. Я была, может быть, единственным человеком, кто знал об этом маленьком секрете. Собираясь покурить, Маня выключала во всех комнатах свет, чтобы кто-нибудь случайно не увидел ее с улицы, покрывала волосы плотной косынкой, чтобы те не впитывали сигаретный дым, и присаживалась к открытому окну. Курила она только тогда, когда сильно волновалась или находилась в больших сомнениях. Иногда, сидя вот так в темной кухне, покрытая как доярка платком, она высказывала довольно зрелые суждения о семейной жизни, браке вообще и потенциальном избраннике.

Ростом я была немного ниже Мани. Может быть, именно поэтому она смотрела на меня не то чтобы свысока, а как-то по-матерински. И в те моменты, когда она курила у окна, по-партизански пряча зажженную сигарету в кулаке и рассуждая о будущей жизни, я действительно ощущала себя маленькой, неумной и слабой девочкой.

Так далеко о предполагаемой семье я никогда не задумывалась. Мне всегда казалось, что пресловутый принц на белом коне ждет за ближайшим поворотом, и чтобы найти его, достаточно только желания. Такие мысли, вероятно, бывают лишь у красивых женщин, не знающих недостатка в поклонниках и уверенных в своей сногшибательной внешности. В общем, Манечка жалела и опекала меня, а я, полностью отвечая ей взаимностью, жалела и опекала ее. На этом прочном фундаменте взаимной заботы и зиждилась наша многолетняя дружба.

...Перезванивались мы часто, не реже раза в неделю. Обменивались поздравительными открытками и фотографиями, сделанными, как правило, в дни рождения. Бывали друг у друга в гостях. Я знала о ней все. Кое-что обо мне знала и Маня. Но однажды она пропала. Мои письма к ней возвращались нераспечатанными с пометкой «адресат выбыл». И только, спустя года три, я неожиданно получила от нее открытку. В графе для обратного адреса стояло два слова: Мыс Шмидта. Для меня это означало, что открытка пришла из космоса. Ибо Мыс Шмидта в моем понимании находился где-то между Большой и Малой Медведицами. Я удивилась, но потрясена не была. Честно говоря, Манечка все-таки оставалась для меня загадкой.

Когда же вскоре вслед за открыткой я получила от нее письмо (школьная тетрадка, исписанная мелким почерком), все встало на свои места.

Не уточняя подробностей, Маня писала, что разочаровалась в работе и в людях, окружавших ее в последнее время (ни слова о Сергее). Она продала квартиру и завербовалась на работу в одну из самых крайних точек страны. Там ей повезло. Буквально через полгода она вышла замуж. Манечка подробно и многословно описывала суровую северную жизнь, сильные ветры и страшные морозы, людей, променявших цивилизованный комфорт на романтику и трудности. И только в самом конце несколько слов о своем избраннике. Муж – старший лейтенант (ух!), высокий, красивый, непьющий и надежный. Она безумно счастлива и ждет первенца. Надеется, что будет мальчик.

Вот тогда-то я и стала обладательницей первой Маниной свадебной фотографии. Не скажу, чтобы ее муж мне очень понравился, но учитывая непритязательную внешность и особенности характера подруги, ей, безусловно, невероятно повезло.

Через положенный срок я получила вторую, исписанную мелким почерком школьную тетрадку. Манечка действительно стала счастливой мамой четырехкилограммового малыша и теперь находилась в ожидании следующего. А чем еще им там, в космосе заниматься? Только детей делать... Манечка снова многословно описывала свое житие-бытие, сложности родов и послеродового периода, проблемы токсикоза и растяжек на животе и груди. Она давала десятки безумно дельных советов (которые, увы, так и не пригодились мне) по кормлению младенцев, перешиванию мужских рубашек, выращиванию цветов и заготовке морошки. В конце письма она сообщала, что через годик после рождения второго ребенка (это будет, конечно же, девочка) она обязательно вырвется и приедет погостить на большую землю.

Все произошло так, как она и предполагала. Маня родила девочку, дождалась ее первого дня рождения и приехала в Европу. Навестила родителей, живущих в разных городах, некоторых родственников, друзей и, наконец, спустя два месяца своего вояжа, заглянула ко мне. Мы отлично провели время, наговорились, посмеялись, вспомнили общих знакомых.

Она ничуть не изменилась со дня нашего последнего свидания. Та же бесформенная фигура, та же огромная грудь, то же широкое лицо в мелких розовых прыщиках. Маня тактично обходила вопросы, связанные с моей личной жизнью, вернее, с ее отсутствием. Я же демонстрировала полнейшее довольство судьбой (что, впрочем, было абсолютной правдой), неиссякаемое чувство юмора, энтузиазм и страшную красоту, которая с годами становилась все более изысканной. Ничего не предвещало трагедии в жизни подруги. С полными чемоданами подарков для супруга и с двумя детьми подмышками она возвратилась в пункт приписки.

...Третью школьную тетрадку я получила уже из Хабаровского края. Думая, что туда перевели служить ее мужа, я не удивилась этому обстоятельству. Однако все было не так просто. Оказалось, что, вернувшись домой, Маня обнаружила совершенно пустую квартиру: без мебели, вещей и даже детских кроваток. Ее красивый, высокий и надежный, как скала, муж не смог выдержать двухмесячной разлуки с безмерно любимой и любящей женой и нашел успокоение в работнице офицерской столовой. Та хоть и не была такой способной, как Манечка, но готовить все же умела, а к тому же обладала некоторыми неоспоримыми достоинствами: стройной фигурой, отсутствием детей, легкостью в отношениях и чувством юмора. Все это моя бедная подружка описала в очередном послании, в финале которого сообщила, что живет и работает сейчас в Хабаровском крае, но мечтает вернуться в Европу.

Не успела я пожалеть несчастную многодетную подругу, как получила от нее следующее письмо. На этот раз почему-то из Новосибирска. Оно было коротким, и кроме собственно письма в конверте оказалась фотография со второго Манечкиного бракосочетания. Не останавливаясь на нужных подробностях, Маня вновь вздохнула описывала потрясающую природу, не менее потрясающих людей и только несколько слов о новом супруге. Начинаящий, но пода-

ющий большие надежды ученый, безмерный интеллект, ходячая энциклопедия, нежный сын и преданный муж. Все!

Прошло еще какое-то время, в течение которого от Мани пришло два-три коротких сообщений с фотографиями растущих детишек и пара посылок со сшитыми специально для меня обновками. Я занималась своими делами, наслаждалась свободой и отсутствием супружеской кабалы, когда получила от Мани фотографию с ее третьим мужем. Это был уже гром среди ясного неба. Мне минуло тридцать, а принц на белом коне что-то не выскакивал из-за поворота. А на бедную Маню мужья сыпались, как иголки с новогодней елки.

Писать ей, видимо, стало лень, поэтому только короткая фраза на обороте фотографии – «подробности при личной встрече» – говорила о том, что мне все-таки предстоит кое-что узнать, но в свое время. Три брака за неполные десять лет, это уже не шутки. Просто не Маня, а Синяя Борода в женском обличье...

Пролетело еще несколько лет вялотекущей переписки, обмена незначительными новостями и поздравлениями с Новым годом. И вдруг этот звонок.

Манечка спокойным, нетерпящим возражений голосом сообщила, что ее очередная, четвертая по счету свадьба не может состояться без меня. Она оплатит любые расходы в случае, если мне тяжело материально потянуть незапланированную поездку. «Лучше всего, – давала ценные указания подруга, – возьми билет на Новороссийский поезд, он очень удобно приходит на нашу станцию. Сейчас август, все едут с моря, поэтому билеты на южное направление будут, не сомневаюсь. Завтра перезвоню, узнаю номер вагона».

Она нагроутила меня массой информации, разговаривая, как взрослая тетушка с несмышленной племянницей. Конечно же, я не брала ее в толк. Предвкушение встречи со старой подругой и проникновение в тайну ее четырех браков уже кружило голову, а предстоящая долгая поездка на поезде приводила в полный восторг. Скучнейшие авиаперелеты уже изрядно поднадоели. Сама того не подозревая, Маня сделала мне чудесный подарок, пригласив на свою четвертую свадьбу.

Как и обещала, Маня перезвонила на следующий день, уточнила номер поезда и день приезда. Мы проболтали долго. Хотя говорила в основном Манечка и как всегда обо всем, кроме самого главного. Какая тут природа, какие грибы, какие люди... И опять все сначала: какая природа, какие люди, какие грибы... Ты отдохнешь, ты выспишься, ты познакомишься... Бла-бла шоу. Своего благоверного она называла не иначе как «мой». «Мой» приедет, «мой» встретит, «мой» сделает...

Уж не знаю, как удалось уговорить ее не тратить деньги и прекратить бесконечный телефонный разговор, ведь уже через сутки мы сможем прекрасно поговорить, глядя друг другу в глаза. Билет до Осинки у меня уже был, подарки куплены, а дела отложены на месяц. Я не просто ехала на свадьбу к подруге, я отправлялась в отпуск, который устроила сама себе впервые за много лет. Особенно раз такая природа, такие грибы...

Насчет «выспаться» я, впрочем, не надеялась, представляя себе Манину двухкомнатную (в лучшем случае) квартиру с двумя детьми-подростками, огромной Манечкой и ее мужем. Но месяц-то я должна выдержать и на раскладушке. В конце концов, для того и нужны подруги, чтобы помогать друг другу. А у Мани, судя по всему, был сейчас не самый лучший момент в жизни. И что ее постоянно так тянет в загс? Мне это было непонятно...

... Я выпила стакан горячего чая, расплатилась с проводницей и перетащила багаж в рабочий тамбур. И теперь, глядя на окрестности приближающейся с каждой минутой Осиновки, готовилась к предстоящей встрече. Честно говоря, я почему-то волновалась. И это с моей-то работой... Даже странно.

Отсутствие обручального кольца на безымянном пальце правой руки должны были компенсировать элегантный пиджачок от Шанель, сумочка из последней коллекции Гуччи и туфли из крокодиловой кожи. Ну, типа из крокодиловой. Но все же не с Черкизовского...

Поезд в Осиновке стоял только две минуты. Это время не позволяло мне покинуть вагон легкими изящными движениями и царственной статью. Ситуация усугублялась тем, что вагон немного не дотянул до высокой бетонной платформы, и мне пришлось прыгать в своих «крокодилах» прямо на мелкий острый гравий. Раздумывать о красоте приземления было некогда, потому что проводница уже протягивала сверху мою сумку с вещами, коробку с вафельным тортом и огромный прозрачный пакет с одеялом и двумя подушками – подарок молодоженам.

Не успела я принять в руки пакет, поезд сильно дернулся, загудел и потихоньку тронулся, покидая Осиновку. Я перетащила багаж на платформу и залезла туда, для чего мне пришлось подтянуть узкую юбку почти до трусиков, что, впрочем, вызвало аплодисменты группы курильщиков в тамбуре последнего вагона. Успех у подвыпивших пассажиров меня не удивил. Я уже давно привыкла к повышенному вниманию мужчин. И не только пьяненьких. Поэтому я просто демонстративно одернула юбку, поправила пиджачок от Шанель (спасибо ей, он бесподобен) и с ослепительной улыбкой выпрямилась навстречу предполагаемому встречающему.

Но, к сожалению, мне пришлось тут же погасить улыбку, так как улыбаться на перроне Осиновки было некому. Два человека, которые тоже вышли из поезда, уже покинули бетонную платформу и сейчас резво направлялись к зданию вокзала, перепрыгивая через рельсы первого пути. Меня никто не встречал. Нет, чтобы было понятнее, скажу так: Меня! Никто! Не встречал! Спасибо, Маня, за заботу! Что ты, зачем нужно было так беспокоиться! Я прекрасно доберусь сама. Только вот, как и куда?

Даже если бы в этой чертовой Осиновке было такси, в чем я сильно сомневалась, вряд ли это могло помочь мне. Все, что я знала о подруге, было то, что ее по-прежнему звали Марьяной Серафимовной. Ни новой фамилии (как и двух предыдущих), ни улицы, ни населенного пункта, где и находилась та самая улица, Маня сообщить не удосужилась. И это почти за полтора часа непрерывной болтовни по телефону! В этом вся Манечка. Масса ненужной информации и ничего нужного. Просто: доезжай до Осиновки, там тебя встретит «мой», не волнуйся.

В ушах отчетливо слышался голос подруги. «Я сейчас вся в страшных заботах. Если мой не успеет к поезду, выйди из здания вокзала и пройди к киоску союзпечати с левой стороны у автобусной остановки. Там и стой. Осиновка не город, просто небольшой полустанок, так что многолюдно там не бывает. Мой будет ехать с работы по этой дороге и подхватит тебя. Но должен успеть к приходу скорого, будет очень стараться. Я ему хорошо тебя описала, поэтому должен узнать. Ты все такая же худая?». О какое великолепное сочувствие в голосе!

«Не худая, а стройная, – снисходительно поправила я. – А ты такая же... такая же?». «Ты все увидишь при встрече. Надеюсь, узнаем друг дружку. Целую, подруга, до встречи. Бегу разливать варенье. И очень, очень жду!». Связь прервалась. Все казалось бы вполне нормальным, если бы на платформе стоял, встречая меня, Манин пресловутый друг. Но его не было.

Я никогда не расстаюсь с мобильным телефоном, но подруга звонила мне на домашний, поэтому номера ее мобильного я не знала тоже. Да и был ли он у нее, дочери девятнадцатого века? Вряд ли...

Если бы не коробка с вафельным тортом, все было бы еще не так плохо. Мне катастрофически не хватало рук. Не переносить же багаж по частям? Не доверяю я этим маленьким полустанкам, на которых даже пассажирские поезда останавливались всего на две минуты.

Фигня какая-то! Дежурный по станции зачехлил флажок и быстренько убежал в здание вокзала доедать собойку – вареное яйцо с домашней котлеткой. На платформе осталась я. Только я одна. Даже в случае присутствия какого-нибудь осинового аборигена, что я могла у него спросить? Где тут живет Маня? Бред...

А, черт! Все равно никто не видит. Я снова подтянула юбку повыше, чтобы удобней было скакать по шпалам, зажала подмышками коробку с тортом и лакированную сумочку-конверт (не очень удобно, но страшно стильно, особенно для Осинки), подхватила поклажу и направилась к месту встречи, которое, как известно, изменить нельзя. Польское одеяло в прозрачном пакете, хоть и было объемным, но не тяжелым. Чего нельзя было сказать о дорожной сумке. Одна косметичка весила килограмма два, не меньше. А еще с десяток сумочек под разные туфельки, вечерний туалет, обшитый стразами Сваровски, коробки с обувью и разные юбочки, кофточки, шарфики и бусики.

Вот Маня учудила, так учудила! Ни адреса, ни телефона, ни фамилии... Да и я хороша, что говорить. И это с моей-то работой, с моим опытом... Уж мне-то надо было быть предусмотрительней. Поехала в гости! В эту тьму таракань. Просто свадьба в Осинке! Осинки... Так... Что я знаю об этих деревьях? От осинки не родятся апельсинки... Осина не горит без керосина... В голове отчетливо возник образ осинового гроба, наполненного гладкими осиновыми поленьями... Вполне позитивная успокаивающая ассоциация.

На небольшой площади перед приземистым одноэтажным зданием вокзала было пусто. От нечего делать я осмотрела содержимое киоска. Сквозь немытое стекло виднелись разложенные веером новогодние поздравительные открытки, пачка газет «Железнодорожник» и ценный журнал «Космополитен» за прошлый год, с выцветшей обложкой и обтрепанными краями. Киоск был, естественно, закрыт, а на автобусной остановке ни расписания, ни указателя с названиями ближайших населенных пунктов.

Я поставила вещи на самую кромку тротуара, пригладила волосы, одернула юбку и подкрасила губы, не глядя в зеркало. Этот жест я знала наизусть. Еще ни разу не промахивалась. Помада постоянно лежала в маленьком кармане пиджачка. У меня появилась возможность поразить очередного Маниного супруга настоящей красотой и истинной элегантностью.

...Ни одного из ее трех предыдущих мужей живьем мне видеть не удалось. На фотографиях, которые подружка аккуратно присылала со своих бракосочетаний, рядом с ней в обязательном белом платье (наверняка, сама шила) стояли сначала высокий офицер с припухшими глазами, потом худощавый малорослый юнец, почти отрок, и, наконец, круглолицый лысеющий отец семейства с тупо-добродушным взглядом. Мужья менялись, но Манечка оставалась неизменной.

На всех фото она была снята, стоя в полуоборота к супругу и внимательно глядя в глаза очередному избраннику. Такой взгляд может быть не у невесты, а, пожалуй, у представителя правоохранительных органов, пристально всматривающегося в монитор детектора лжи, чтобы не упустить дернувшегося зигзага. Бедная, бедная Маня! Она так и не смогла измениться с годами. Представляю, что ощущали ее меняющиеся мужья под этим пронизывающим серьезным взглядом. Брр... А теперь горбатый! Я сказал, а теперь – горбатый!..

Интересно, кого нашла моя подружка сейчас? Хотя, с другой стороны, она находила уже в четвертый раз. Неприятная, не хватающая звезд с неба, такая домашняя Маня все-таки находила... Неужели я завидую? Да, Боже, упаси! Просто у каждой женщины свой потолок, свои амбиции и свои интересы. Да при желании...

Я прервала размышления, потому что в конце сумеречной дороги показались огни приближающейся машины. Я выпрямилась, взяла изящным жестом сумочку-конверт и приподняла ее над головой. Лакированная поверхность радостно блеснула в свете уличного фонаря. Но меня, кажется, заметили и так. Машина убавила скорость и, моргнув фарами, остановилась, немного не доехав до моего багажа. Я опустила руку и продемонстрировала полное отсутствие кариеса. Дверь машины распахнулась, Манин друг по-спортивному ловко выскочил из нее и, облокотившись о кузов, посмотрел на меня любопытным взглядом.

Да... На этот раз Маня не промахнулась. Вот тебе и отсутствие амбиций... Роберт де Ниро. Абсолютно! Крутая тачка, и сам упакован вполне фирменно. Я была в нокауте. В полном...

– Что-то подсказывает, что вы ждете именно меня, – сказал де Ниро.

– А вам это «что-то» не подсказывает, что наша встреча должна была произойти несколько раньше? – ответила я. – Ну что, будем знакомиться? Александра. Можно просто Саша.

– Роман, – представился де Ниро. Понятно. У Мани роман с Романом. Логично. – Поехали?

– А вы предпочитаете, чтобы я осталась ночевать под открытым небом? Кстати, к чему излишние церемонии? Давай на «ты», – я протянула Роману пакет с одеялом, подхватила коробку с тортом и милым повелительным жестом указала на неподъемную сумку.

– Как скажешь, – де Ниро легко подхватил мою поклажу и поместил ее в багажник. – Куда сядешь – спереди или сзади? Не боишься скорости?

– Разве я похожа на человека, который хоть чего-то боится? – парировала я, усаживаясь на переднем сиденье. – Если бы я захватила с собой права, то могла бы показать тебе, что такое настоящая скорость.

– О, ты мне определенно начинаешь нравиться, – Роберт де Ниро сел за руль и включил зажигание.

Чары моей потрясающей внешности начали действовать, но это абсолютно не входило в мои планы. Подруги – это святое. Особенно Маня. Пусть бедняжке удастся на этот раз. Ей повезло, что у нее такая замечательно порядочная подружка, как я. Да, подруги – это святое. Не будем завоевывать их территорию. Тем более, что она уже меченая.

Мы быстро неслись по прямой, как стрела, дороге. Ни одного поворота, ни одного указателя.

– Почему так поздно? – спросила я. – Ответственная работа?

– Да, можно сказать и так. Сейчас принято говорить – небольшой бизнес, – ответил де Ниро, вытащил пачку сигарет и взглядом спросил разрешения закурить. Да ради Бога, пусть курит, если хочет. Я тоже не без недостатков.

– И в чем же заключается этот бизнес? Строительство, финансы, сельское хозяйство?

– Мы все учились понемногу, – уклончиво ответил Манин друг. – Чему-нибудь и как-нибудь...

– Так ты любишь банальности? Это грустно.

– Не знаю, люблю ли я их, так как просто не знаю, какой смысл ты вкладываешь в это понятие. По-моему вся жизнь вообще состоит из банальностей.

– Банальность – это то, что очевидно. А человек, объясняющий то, что и так всем понятно, вызывает большие подозрения и грустные чувства. Значит, ему просто нечего сказать...

– Так я не совсем понял, что же такое банальность?

– Ну, например, идет дождь. И каждый, кто входит в помещение, говорит: идет дождь, хотя вся прихожая уже уставлена раскрытыми мокрыми зонтами. Или одна мамочка говорит другой: дети есть дети. Конечно же, они дети. Не старички, не инопланетяне и не члены правительства... Или вот в магазине встречаются знакомые и начинают: как все подорожало, представляешь, молоко в два раза подскочило? А при этом у каждой в корзинке по две пачки молока. Чего сотрясать воздух, когда все видно невооруженным взглядом и так? Просто люди, не зная, что сказать, говорят банальности. А это безумно скучно.

– Немного понятнее.

– Значит, ты не безнадежен. Хотя по большому счету все мужчины... – я на мгновение умолкла, пытаюсь сформулировать дальнейшую мысль как можно корректнее.

– Козлы? – усмехнулся Де Ниро, стряхнув пепел от сигареты в открытое окно. – А это не банальность?

– Не совсем. И я вовсе не это имела в виду. Я хотела сказать, что мужчины сами по себе банальны. От природы. А значит, абсолютно предсказуемы. Это очевидно. А про козлов – просто бестактность и даже грубость. К этому аргументу прибегают женщины, которым не повезло. Надо же им объяснить окружающим, почему их бросают мужики? А второе – среди мужчин, естественно, попадаются козлы, но в каждой бочке меда бывает деготь...

– С тобой нужно быть настороже. Ты опасный экземпляр. Все знаешь.

– Это моя работа – все знать. Но, к сожалению, я знаю отнюдь не все. Просто понимаю людей и вижу их как на рентгене.

– Что за работа, если не секрет? – де Ниро снова затянулся и стряхнул пепел в окно.

– Так, небольшой бизнес, – повторила я его слова, мы переглянулись и понимающе улыбнулись.

Я никогда не была сторонницей взглядов, что с мужьями подруг нужно быть максимально откровенной. И вообще между людьми всегда должна быть некая невидимая черта, не нужно пытаться переступить ее. Моя работа – это моя работа. И чем меньше людей знают о ней, тем лучше. Даже Манечка знала о ней далеко не все. Устраивать душевный стриптиз перед человеком, которого впервые видела, и который через несколько дней предстанет перед депутатом местного совета, чтобы сказать «о, да», я не собиралась.

– Значит, ты не любишь банальностей... А вообще людей ты любишь? – прервал затянувшееся было молчание де Ниро.

– Не всех, ведь с большинством из них я не знакома. А некоторых люблю.

– Мне кажется, нужно любить всех. Даже тех, кого не знаешь.

– Ерунда какая. Я люблю тех, кто этого достоин, кто обладает необходимыми и важными качествами.

– И что включают в себя эти качества? – взглянул на меня де Ниро.

– Не так уж и мало. Много. Но существует гораздо больше качеств, которые мне не то чтобы ненавистны, а просто я их и не принимаю, и не понимаю.

– Например?

– Это не всегда легко объяснить.

– Ты попробуй, а я попытаюсь уяснить. Мне иногда казалось, что я тоже кое-что понимаю в людях. Это небольшая часть моей службы.

– Ладно, оставим в покое твою таинственную службу. Ну, например, я не люблю жадных и богатых и в то же время не терплю бедных и щедрых. Легко быть щедрым, когда у тебя ничего нет. Это не подвиг. А вот иметь кое-что под плинтусом и не скрывать этого, это уже нечто героическое... Еще не люблю постоянных нытиков, у которых всегда и во всем виноват кто-то другой, и не люблю хронических везунчиков, которые заранее знают, что у них все получится наилучшим образом. Не терплю самоуверенных и ни в чем не сомневающих, но и тех, кто постоянно только и делает, что сомневается, тоже не терплю. Немного понятно?

– Более-менее.

– Ничего тебе не понятно. Я это вижу внутренним третьим глазом. Еще я люблю простоту в общении, но не терплю панибратства.

– Именно поэтому ты сразу предлагаешь перейти на «ты» первому встречному постороннему человеку? – улыбаясь, спросил де Ниро по имени Роман.

– Почему первому встречному? И какой же ты посторонний? – удивилась я. – Мне кажется, наличие Манечки в нашей жизни делает нас практически родственниками. Ведь я ее тысячу лет считаю почти сестрой.

– Если не секрет, можно узнать, а кто такая Манечка? – де Ниро на мгновение оторвался от дороги и бросил на меня внимательный взгляд.

Щелк! Моментально включился в моей симпатичной головке мыслительный рубильник. Щелк-щелк!.. Я совершенно не испугалась. Моя работа не позволяет мне ни пугаться, ни терять присутствия духа даже в такой сложной экстремальной ситуации. Я просто сказала очень тихо, очень отчетливо и очень уверенно:

– Так, друг Роман, если ты действительно Роман... Остановил быстренько машину. Я сказала, остановил машину, козел! Вот так. Молодец. И без вопросов. А теперь спокойненько вышел, открыл багажник и достал мои вещи. Ты все понял, осинольский любитель банальностей?

Я тоже покинула машину и стояла уже около багажника, из которого Манин лже-жених доставал мои сумки. Нужно сказать, держался он неплохо. Кроме некоторой растерянности на его де нировском лице не читалось ни одного чувства. Ни разочарования от несостоявшегося похищения «привокзальной шлюшки», ни особенного страха в ответ на мой бескомпромиссный и даже угрожающий тон, ни удивления, что я так быстро раскрыла его низкие планы. Вытащив вещи, «де Ниро» (кстати, ничего общего с оригиналом!) облокотился о кузов тачки, как и в момент нашей встречи, и улыбнулся. Вот наглец!

– И что дальше? Поднять руки вверх?

– Езжай-ка отсюда подобру-поздорову, – ответила я тем же ледяным и не требующим возражений тоном. – Ищи дурочек на других вокзалах! И запомни, больше всего в людях я ненавижу двуличность. Если у тебя проблемы, нечего рядиться под порядочного человека. Им нужно быть, чего тебе, как я вижу, ни в коем разе не грозит. Пока-пока, Роман или как там тебя?

– А как быть с тем, что сейчас вот-вот стемнеет? Ты не боишься остаться одной на пустом шоссе поздним вечером? Здесь не такое активное движение, а в августе ночи наступают быстро...

– Ты не понял, что я сказала? Езжай отсюда, горе-похититель. И благодари Бога, что я не воспользовалась газовым баллончиком.

– Бога я благодарю всегда, – сказал наглый де Ниро и сел за руль. – Но ты тоже запомни, что возвращаться я не буду. У меня сегодня много дел. Не хочу показаться еще более банальным, но все-таки скажу, что вокруг лес.

– Давай отсюда! – я ударила ногой в изящной туфельке по колесу машины. – Как-нибудь переживу, если тебя пережила!

Де Ниро пожал плечами, захлопнул дверцу, газанул и, сразу набрав приличную скорость, помчался дальше по шоссе.

Вот так ситуация! Я облегченно вздохнула. Теряю форму... Еще немного и я могла оказаться в каком-нибудь грязном логове маньяка со связанными руками и кляпом во рту. Я, конечно, прекрасно разбираюсь в людях, но в данном проколе виновата, безусловно, только Манечка. «Мой будет ехать по дороге, успеет к самому поезду, жди у киоска...». Но что стоило мне спросить у этого лже-де-Ниро, не он ли Манин жених? Не очень приятно призна-

ваться в собственных ошибках, но доля вины за случившееся лежала и на мне. Сама подняла руку с сумочкой, сама притормозила машину, сама предложила положить вещи в багажник и даже перейти на «ты». И еще разговоры разные поддерживала. Да, форму я точно теряю. Потому что давненько не было интересных заказов. Дела все какие-то примитивные, однотипные. А с моей работой нужен постоянный тренинг. Драйв. Но, слава Богу, все закончилось хорошо. А хорошо ли? Я оглянулась вокруг.

Хрен редьки не слаще! Пустое двухполосное шоссе, уходящее вдаль, вокруг лес, ни одного признака жилья. И еще пакет с польским одеялом, неподъемная сумка и вафельный торт в коробке. Самое логичное в этой ситуации было бы вернуться к вокзалу. Но от него мы отъехали на приличное расстояние, учитывая скорость, с которой несся осинольский Шумахер. Пешком до него не дойти (торт же не в зубах нести), а тормозить случайную машину на почти ночном шоссе в короткой юбке и пиджачке от Шанель – верх неблагодария.

Даже предположив, что Манин настоящий жених, проезжая с работы мимо вокзала, не обнаружил меня у газетного киоска, вряд ли стал ждать следующего поезда. Который, кстати, должен быть только утром. Наверняка, жених подумал, что у меня что-то сорвалось, не получилось, или я просто решила не приезжать. А может, он сходил к дежурному по станции и спросил, не приезжала ли на московском пассажирском некая симпатичная особа постбальзаковского возраста с одеялом в руках? Скорее всего, он созвонился со своей благоверной (ну, Маня, погоди!), обсудил положение и поехал к ней под теплое крыло. Интересно, в каком направлении от вокзала греет его сейчас это самое крыло? В том, по которому мы мчались от вокзала с де Ниро, или в противоположном? В любом случае сейчас мне об этом не узнать. Нужно искать выход из этого дурацкого и почти безвыходного положения.

Темнота еще не успела окончательно поглотить окружающий меня бесподобный осинольский пейзаж. Я прекрасно видела и дорогу, и лиственный лес (может, это и есть чертовские осины?), и свой багаж. Стоять одинокой осинкой на обочине дороги не хотелось. Я перетаскала сумки в придорожные кусты и, попытавшись спрятаться от возможных любопытных взглядов из окон проезжающих автомобилей, вывернула дорожную сумку. Решив переодеться, я выбрала одежду, более соответствующую ночному шоссе и наступающей прохладе. Да, пиджачку от Шанель не удалось сегодня сыграть решающую роль, дабы покорить неземной красотой давнюю подругу и ее домочадцев. Теперь я выглядела вполне по-осинольски. Мягкий велюровый костюм цикломенового цвета, легкие сиреневые кроссовочки и такого же цвета бейсболка. Запихнув в сумку разбросанные и снятые с себя вещи, я подумала о том, что неплохо бы и подкрепиться. Устроить лежанку на хвойных ветках я успею всегда. Небо безоблачное, выбрать укромное местечко я смогла бы и позже. Ночь обещала быть лунной. У меня с собой было прекрасное двуспальное одеяло и две замечательные подушки. Я нашла уютный бугорок, уселась на пышный пакет со свадебным подарком Манечке и раскрыла коробку с тортом.

Торт был бесподобен. Настоящий вафельный. Не из той вафли, которая тянется во рту, не откусывается с первого раза и после парочки жевательных движений превращается в приторно-сладкую противную массу. У моего торта со вкусом все было в порядке. Вафля потрясающе хрустящая, начинка в меру сладкая, с небольшой кислинкой. И множество жареных орешков. Чудо, как хорош был торт! Я с удовольствием вкушала импортный презент для Маниных гостей и радовалась, что утром на одно место багаж уменьшится. Сумочку-конверт я всегда могу спрятать на груди или под тугим эластичным поясом цикломеновых штанов. К сожалению, я не курю и не пью. В противном случае могла бы прекрасно скоротать ночь, попивая из горлышка французский коньяк (он был в сумке) и покуривая тонкие сигареты (подарок для Мани). Сигареты были совсем слабыми, больше для понта, чем собственно для курения.

Но зная, что Маня когда-то покуривала, я решила доставить ей удовольствие по полной программе.

Я была занята отламыванием очередного куска торта, который сильно крошился под пальцами, когда передо мной неожиданно возник мальчик лет восьми, вихрастый, сероглазый и чумазый. Учитывая обстоятельства – сумеречное шоссе, лес и отсутствие вблизи населенного пункта – мальчик был диким.

– Привет, малыш, – сказала я ласковым голосом профессионального инспектора детской комнаты милиции. – Ты откуда?

– От верблюда, – ответил малыш.

Ого, знает отечественную классику! Значит, не совсем дикий.

– Интересно... А ты не подскажешь, где живет этот верблюд? Понимаешь, мне очень хочется переночевать в комфортных условиях...

– От верблюда, – повторил мальчик, глядя на меня наглыми, широко поставленными глазками.

– Понятно... Ай-кью выше среднего. От верблюда... Ну что ж, это уже кое-что. Может, ты торта хочешь вафельного? Подойди, не бойся. Торт очень вкусный, с орехами.

– Бе-бе-бе, – проблеял вредный мальчишка и скрылся в лесу.

Нормальный содержательный разговор. Нормальный современный ребенок. И нормальная, вполне банальная ситуация: ночь, улица, фонарь и... мальчик. Бе-бе-бе... Что бы это значило? Мне так хотелось угостить полудикого сына ночной Осиновки настоящим вафельным тортом, а он – «бе-бе-бе»... Я задумалась. Все-таки мальчик не Маугли и должен где-то жить. Он хоть и был чумазым и взъерошенным, но не производил впечатление голодного, больного и бездомного. Вполне вероятно, где-то поблизости все-таки было какое-то жильё: деревня, поселок или хутор. Но мне, не зная дороги, туда просто не дойти. Да я сейчас и не хотела этого. Я живо представила себе, как засуетилась бедная Манечка, узнав, что я выехала из Москвы, но до Осиновки так и не доехала. И как впадет она в транс, когда будущий муженек передаст ей слова дежурного по станции, что дамочка из столицы действительно приезжала, ждала у киоска, потом села в какую-то крутую тачку и уехала в неизвестном направлении... Я представила себе голосащую Маню, стаканы валерьянки, рюмки сердечных капель и виноватого друга, стоящего в углу на коленях... Я улыбнулась. Нет, суетиться, чтобы сейчас же вернуться к станционному вокзалу, я и не собиралась. Даже без короткой юбки, крокодиловых туфелек и пиджачка, я выглядела достаточно сексуально и даже вызывающе для осиновского темнеющего шоссе. Провоцировать озабоченных водителей редких автомобилей не хотелось. Я не боялась, просто не хотела им неприятностей, пусть живут себе на свободе. Пока.

Подкрепившись, я безжалостно втиснула коробку с остатками торта в пакет с одеялом, спрятала под курточку сумочку и вышла на дорогу. Несмотря на приличную скорость и постоянные разговоры с де Ниро, я успевала смотреть по сторонам. Профессиональная привычка: я всегда должна держать ситуацию под контролем. Ничего интересного или достойного внимания по дороге я не заметила. Значит, нужно пойти вперед. Идти по обочине не хотелось, поэтому я вернулась к багажу, захватила его и поплелась вдоль дороги, спрятанная кустами и высокой травой. Как ни странно, зла на Манечку я не держала. Честно говоря, в сложившейся ситуации вина была больше моей, чем ее. Нельзя, нет нельзя было терять бдительность ни на минуту. Вот чертова Осиновка с маньяками, косившими под известных артистов, и мальчишками, изображающими детей, воспитанных то ли верблюдами, то ли овцами. «Да и был ли мальчик? – подумалось мне. – Не привиделся ли он?».

– Бе-бе-бе, – повторила я вслух. – Бе-бе-бе, сидит дятел на вербе. Червяков гоняет, отдыха не знает.

Это один из моих многочисленных талантов. Я могу сочинять простые стишки и рифмовать любые слова, причем очень быстро, практически на ходу. К моей профессиональной дея-

тельности эта способность не имеет никакого отношения. Просто так сегодня все необычайно сложилось, что очередной шедевр просто полез из меня. «Бе-бе-бе, бе-бе-бе... Что у Мани в голове? В голове у Мани – пусто, как в кармане. Проворонил муж лучшую подружку. Остается выпить. Где же, где же кружка?». Сочиняя немудреные стишки, идти было гораздо легче. Радовало, что до сих пор из леса ни разу не выскочил дикий кабан, над головой не кружился рой комаров, укусы которых вызывали у меня страшную аллергию, а ручки тяжелой сумки были крепкими и не отрывались.

Почти стемнело, когда я подошла к перекрестку, на одном из углов которого стояла будка, видимо, закрытый пост Госавтоинспекции. Она выглядела почти как сказочная избушка на курьих ножках: маленький домик под треугольной крышей и с окнами во все стены стоял на высоких деревянных столбиках-ногах. К небольшой двери вела примитивная металлическая лестница, сваренная из арматуры, без перил. Я остановилась у подножья домика бабы Яги и очень вежливо попросила его встать ко мне передом, к лесу задом. Увы, увы, увы... Никакого уважения к молодым и красивым. Если в этом архитектурном чуде милицейского дорожного контроля местные Маугли не устроили общественный туалет, лучшего места для ночлега не найти. Оставив вещи у подножья будки, я решительно поднялась вверх, держась руками за ржавые перекладины и аккуратно переставляя ноги, стараясь не испачкать кроссовки. Достигнув небольшой площадки перед дверью, я вытащила щеколду, заменяющую кодовый замок с сиреной, и распахнула дверь. О счастье! Похоже, желающих гадить в местах гнездовья гаишников в этих местах не наблюдалось. В избушке на курьих ножках было пыльно и только. Кособокий стол и два доломанных стула составляли интерьер моего вынужденного Хилтона. Но мне не нужно было и этого. Главное тепло, не дует, а в случае дождя (всякое может быть на исходе лета) я надежно защищена. Спустившись вниз, я наломала веток и соорудила небольшой веник. Все-таки цивилизованная женщина должна оставаться женщиной даже в таких жутких условиях. Хотите быть цветами, всегда говорю я своим клиенткам, так живите в цветнике, а не в помойке. Я сама тоже всегда хотела быть цветком.

В ожидании пока осядет пыль после тщательной уборки, я посетила лесок в поисках места общественного пользования. Не нашла, но все вокруг народное, все вокруг мое, как говорится. Потом я достала незаменимую в любых ситуациях, косметичку, тщательно протерла лицо очищающими сливками, нанесла на него умопомрачительный крем, творивший чудеса с кожей, похлопала себя с полчаса по щекам и подбородку. И только после всех этих манипуляций затащила вверх сумку и пакет. Я сложила вдвое огромное двуспальное одеяло, легла на одну сторону, а второй укрылась. Подушки были нежнейшими, только коснувшись их головой, меня тут же повело в сон. Однако я еще некоторое время полежала на спине, глядя в звездное небо, видневшееся в окна моего «отеля», и подумала о Манечке. Мне стало жаль ее. Я так здорово устроилась на ночлег, а она, бедная, не зная об этом, уже, наверно, подняла на ноги всю общественность, обзвонила районные морги и устроила мужу очередную головомойку. Я снова улыбнулась, повернулась на правый бок и уже было закрыла глаза, как неожиданно раздавшийся шум моторов снаружи заставил меня вздрогнуть. Если бы машины промчались мимо, я не обратила бы на них никакого внимания. Все-таки избушка на курьих ножках находилась на перекрестке. Но машины – как минимум их было две – проехали мимо будки и остановились неподалеку. Машины стояли, но моторы продолжали работать.

Я никогда и ничего не боюсь. Но сейчас мне стало немного не по себе. Развитое воображение подсказало, что под моим вынужденным пристанищем стояло две, три или пять машин, и их владельцы чего-то ждали. Версий в голове моментально родилось множество: гаишники уезжали на ужин, а теперь вернулись и сейчас обнаружат, что их место занято. И на самом деле это не заброшенный пункт, а вполне действующий. Бандитская разборка на данном участке дороги тоже вполне могла быть. Перекресток оставлял возможность каждой из группировок в случае перестрелки исчезнуть с места преступления. Но с бандитами мне приходилось

общаться, а вот если это просто подростки? Может быть, тот самый полудикий мальчик, любитель верблюдов был наводчиком, и привел сейчас сюда своих старших покровителей для жестокой расправы над одинокой незащищенной женщиной? Подростки это самое страшное.

Понимая, что снаружи окна домика кажутся абсолютно черными, и меня вряд ли смогут увидеть бандиты, подростки или гаишники, я тихонечко приподнялась, подползла к окну и осторожно посмотрела на дорогу.

Буквально у самого подножья будки «лицом» друг к другу стояли две машины. Водитель одной из них сидел за рулем, а второй покинул свой автомобиль и стоял около первого, облокотившись о кузов. Они о чем-то негромко разговаривали. Мне совершенно ничего не было слышно, окна старого заброшенного милицейского пункта наглухо заклеены. Но видно было прекрасно, тем более, что обе машины освещены встречными фарами. Что-то до боли знакомое было в стоящем водителе, в его непринужденной позе, в его куртке... Де Ниро! Конечно же, это он! Мой недавний похититель. Гаденыш! Рассказал обо мне сообщнику, и теперь они вдвоем обследуют шоссе, чтобы найти, изнасиловать и прикончить меня. Ну, прикончить или изнасиловать, это еще ничего. А вот если изуродуют? Это уже не шутки. Мне стало страшно. Только бы они не решили обследовать будку! Только бы не посмотрели вверх! Де Ниро отошел немного от первой машины и стал что-то рассказывать, показывая рукой в сторону, откуда я пришла. Ага, понятно. Он показывает место, где меня высадил. А теперь они совещаются, где лучше искать. Я нервно сглотнула слюну. Нет, нет, мне нечего бояться. У меня в сумке два полных газовых баллончика. Преступники даже не успеют добраться до моего убежища, ослепленные едким газом, они просто свалятся с высокой лестницы. Жаль только, я не поставила баллончики в изголовье импровизированного ложа. Пока я найду их в стопудовой сумке... Так, они продолжают что-то обсуждать. Де Ниро показывает куда-то руками, прощается, идет к своей машине, садится в нее. Неужели они уедут? Ха-ха! Действительно, машины развернулись и на малой скорости поехали в разные стороны. Поехали искать меня. Ну что ж, флаг им в руки! Пусть ищут. Через пять-шесть часов начнет светать, и тогда я смогу безбоязненно покинуть избушку и отыскать свою бестолковую подругу.

Когда вокруг все стихло, и звук моторов уже перестал доноситься до меня, я вновь улеглась на польское Манино одеяло, положив под голову сразу две подушки, уютно подтолкнула второй, свободный конец и уснула. Меня не мучили кошмары. Ведь я не из пугливых. Просто работа у меня такая, я привыкла...

...На рассвете я проснулась бодрой и отдохнувшей. Первым делом я распахнула скрипучую дверь Хилтона на курьих ножках и выглянула наружу. Небо чистое и ослепительно голубон. Ни тучки, ни облачка. Отлично! Воздух еще по-утреннему прохладный, но свежий, пахнувший прелой листвой, ароматными травами и влажной землей. Я выглянула в окно и убедилась, что на охраняемом мною перекрестке все спокойно. В обе стороны от высокого пристанища проносились автомобили, в основном грузовые машины, самосвалы и рефрижераторы. Жизнь кипела и в осиновском предместье.

По утрам у меня всегда зверский аппетит, но прежде чем приступить к поеданию остатков вафельного торта, я привычно занялась своей неувядающей с годами красотой. С собой у меня было все: увлажненные салфетки, дезодорант, пенки и кремы, жевательные пластинки и флакончик духов с ароматом свежести. У свежести тоже бывает аромат. Это нежный бодрящий запах киви, арбуза или дыни. Я тщательно воспользовалась всеми дарами современной косметологии, причесалась и почувствовала прилив новых сил для борьбы с невежеством и затхлостью взглядов незнакомой мне Осиновки.

Спортивный костюм я сменила на вчерашнюю юбку и пиджачок, оставив на ногах кроссовки. Все-таки неизвестно, сколько придется топтать по обочине шоссе, пока я доберусь до здания вокзала. Упаковав одеяло с подушками в пакет, я уселась на него и приступила к завтраку. Восхитительный торт премило хрустел во рту и оставлял чудесное послевкусие. Конечно, мне не помешал бы стаканчик чая с какой-нибудь экзотической добавкой, но чего не было, того не было. Я не очень прихотлива в еде. Последние крошки торта вместе с кусочками осыпавшихся орехов я доедала по-детски, собирая их пальцем и направляя в рот.

Покончив с едой и убедившись, что справа и слева от перекрестка не видно машин, я сбросила сверху пакет с одеялом и осторожно стащила вниз тяжелую сумку, стараясь не ударить ею о металлические перекладины и не испачкаться. Спустившись на землю, первым делом я достала мобильный телефон и набрала номер своей матушки, которая всегда просыпалась вместе с петухами. Я сообщила ей, что у меня все в полном порядке. Я отлично добралась, Манечка меня встретила, и я уже пью кофе на ее заполненной вареньями и соленьями маленькой кухне. Матушка и не сомневалась, что у меня все нормально, хотя ее несколько удивил ночной звонок от моей подруги, которая спрашивала, во сколько отправился из Москвы поезд. Поезд немного задержался, объяснила я и распрощалась, пообещав звонить каждые три дня. Ох уж эти вечно волнующиеся мамочки! Хотя моя вовсе не из таких. Матушка вполне доверяет мне и почти не беспокоится. Она гордится мной, моей самостоятельностью, умением всегда находить правильные решения и быстро решать самые сложные вопросы. После смерти папы мы уже десять лет жили вдвоем, и в нашем тандеме главной и старшей давно и безоговорочно была признана я. Правда, не волновалась матушка потому, что не знала и десятой доли о моей личной жизни. Она знала только то, что и положено знать пожилой женщине: у ее дочери все отлично, она занимает уважаемую высокооплачиваемую должность, а замуж не выходит только потому, что не хочет. Матушка даже не подозревала, что в соседнем доме я уже долгие годы снимала однокомнатную квартиру, превратив ее в свой офис. Там я держала полный комплект необходимой одежды, занималась срочными делами, принимала клиентов и иногда даже оставалась ночевать. В моей жизни время от времени тоже встречались небольшие приключения личного характера. Но в основном я была примерной дочерью и не давала любимой матушке поводов для беспокойства и тревог.

Я перетащила вещи на противоположную сторону шоссе и пошла по обочине по направлению к вокзалу. Пакет, как я уже сообщала, был совсем нетяжелым, а дорожную сумку я просто тащила волоком по чистой и влажной от росы траве. Манечка, Манечка... Как-то ты, бедная, спала? И спала ли вообще? Уварилось ли твоё варенье, и хорошо ли замариновалось мясо для отбивных? Наверно, чтобы успокоиться, сейчас ты что-то вывязываешь крючком. Рукодельница ты моя... У меня до сих пор хранилась куртка, сшитая ею заочно по моему заказу. Нужно признать, что заказ был достаточно сложным. Мне для работы необходима была вещь, которая в случае необходимости могла трансформироваться, делая меня абсолютно неузнаваемой. Маня с блеском вышла из ситуации. Она сшила клетчатую куртку, немного закрывающую бедра, с капюшоном, кулиской вместо пояса и подолом, подогнутым кверху и застегивающимся на пуговицы. Фокус заключался в том, что куртка была двусторонней. И если ее вывернуть наизнанку, она превращалась в прямое полупальто невзрачного серого цвета с большими карманами и высоким воротником-стойкой. Но и это было не все. При необходимости пуговицы на подоле с клетчатой стороны можно было расстегнуть, кулиску ослабить, и я становилась обладательницей длинного широкого плаща, полностью скрывающего ноги. Не спрашивая, зачем мне это нужно, Маня изготовила уникальную и очень правильную вещь. Как говорится – три в одном. Куртка не раз выручала меня в моей сложной работе. Да, в изобретательности Манечке не откажешь...

Если бы не ее невзрачная внешность и не хроническая способность постоянно связывать жизнь с какими-то отморозками, Маня вполне могла стать объектом для подражания миллионов заурядных женщин. С ее непонятным стремлением всегда быть с кем-то рядом, причем только официально, я бороться не могла. Это ее жизнь, ее комплексы и ее эго. А вот с улучшением внешности, а точнее в избавлении от мелких розовых прыщиков на широком лбу, я помочь могла. Я везла подруге еще один подарок. Редкий и, без сомнения, нужный каждой невесте. Крем для лица, изготовленный из спермы степных японских ежей. Эта баночка обошлась недешево, но я об этом не жалела. Пусть на этот раз Маня пойдет в загс красивой, с лицом, лишенным ненужных образований.

Остановившись передохнуть и поклевать усохшие ягоды малины на придорожном кусте, я вновь задумалась о своем недавнем похитителе. Интересно, чего он добивался? Повез куда-то, даже не спросив, куда и к кому, собственно говоря, я приехала. Наглец! А еще с такой благородной внешностью! Роман де Ниро! Честно говоря, пока я еще не поняла, что он всего-навсего самозванец, где-то в глубине души у меня шевельнулась зависть. Ненавижу это чувство, и все-таки оно шевельнулось. Этот тип мужчин всегда был мне по нраву. Среднего роста, крепкий, спортивный, без ненужного жира и раннего животика, с короткой стрижкой. Причем с чувством юмора, умением легко входить в контакт и производить хорошее впечатление. Да, производить впечатление он, безусловно, умеет. Правда, не лишен банальностей, но это можно было бы простить. Ну почему так всегда получается? Если на моем пути встречается кто-то достойный внимания и, возможно, более глубоко чувства, он обязательно или занят, или бандит? «Бе-бе-бе...», – сказала я сама себе, непроизвольно повторяя бляенье вчерашнего Маугли. – Бе-бе-бе, вот тебе и Ниро де. Но осинольский бандит умных нас не победит!». Я отправилась дальше. Кисловатые ягоды малины немного утолили жажду и помогли справиться со сладким привкусом во рту, оставшимся после поедания торта.

Идти долго мне не пришлось. Буквально шагов через тридцать после привала около меня остановился огромный камаз. Водитель его перегнулся к противоположной от себя двери кабины, открыл ее и весело крикнул:

– Подвести, туристка?

– Почему бы и нет? – ответила я и с воодушевлением полезла в кабину по высоченным ступеням, подтянув юбку и оставив поклажу на обочине.

Водитель понимающе кивнул, соскочил с подножки, как пушинку подхватил тяжеленную сумку с пакетом и поставил их рядом со мной на третье свободное сиденье.

Мне не впервые было ехать в такой большой машине. Проезжающие рядом или обгоняющие нас легковушки казались с высоты камазовской кабины детскими игрушками в парке культуры и отдыха.

– На станцию что ли? – спросил шофер. – Отдыхать приезжали?

– Можно сказать и так, – ответила я.

– К нам в Карамазов многие отдыхать приезжают, места тут красивые, богатые. Воздух чистый.

– Где, где вы сказали? В какой Карамазов?

– Как в какой? Районный центр. Так вы не оттуда? Неужели с коттеджного поселка идете? У них что, свободной машины не нашлось для такой красивой девушки? Я бы вас пешком на станцию не отпустил.

Я скромно потупила взгляд. Слова «красивая» и особенно «девушка» тронули меня почти до слез и вызвали симпатию к случайному попутчику. Нет, я не шла с коттеджного поселка. И даже не знаю, где он находится. А приехала сюда, скорее всего, в город под названием Карамазов. Только в таком месте могла проживать моя невезучая подружка.

– И чем же знаменит ваш Карамазов? – спросила я просто так, чтобы поддержать беседу.

– Да особо гордится нечем, но есть у нас санаторий большой для желудочных больных, там почти все жители работают. Источники целебные. Вода вкусная, класс! Я как-то в Питер ездил к брату, так тамошнюю воду даже в рот не мог взять, зубы чистил с трудом. А у нас чай можно пить без сахара, такая вода вкусная.

– Ну, чай с сахаром пить старая традиция, она уже себя изживает.

– Нет еще, не совсем изживает. Хотя такое чувство порой бывает. Пьешь в гостях чай иногда и противно как-то: и чай сладкий, и торт сладкий... Так... Что у нас еще есть? Комбинат есть кондитерский, булочки пекут разные, пряники, пирожные. Очень вкусные, долго не сохнут. Отдыхающие с собой коробками увозят. Мебельный цех есть, да много чего... Вот еще у нас Собор православный высокий, старинный. Недавно реставрировали. Кино приезжали снимать, красиво. Колокола по утрам звенят на всю округу. Это к добру. Земля здесь у нас намоленная, ничего плохого никогда не случается.

– Так уж и не случается? А как с криминалом? Похищение людей, грабежи, изнасилования?

– Тут будьте спокойны. Все друг друга знают. Вот я как вас увидел, сразу понял, что вы не наша, не карамазовская. И так все. Никогда не проедут мимо приезжего, всегда помогут, подвезут, и денег не возьмут. Так что вы сумочку-то свою не теребите, платить не надо. А вы к кому приезжали-то?

– К подруге приезжала, Маней ее зовут.

– Маня? Маня... Нет, не знаю никого с таким именем. А где работает?

– Она в декрете, – соврала я. – Пока не работает, с ребенком сидит маленьким.

– Может, из новеньких кто... Медсестра или докторша? Их много каждый год приезжает.

Я уклончиво пожала плечами. Понимай, как хочешь: может, медсестра, а может, нет. А что я могла сказать? На деревню к дедушке приехала?

Мы поравнялись со зданием осинового вокзала. Шофер остановил камаз у самой автобусной остановки и помог стащить вещи.

– Ну что, – сказал он, потирая руки. – Счастливого пути, туристка. Приезжайте еще. Нам тут такие красивые нужны, замуж быстро выйдете.

– А с чего вы решили, что я не замужем? – почему-то обиделась я.

– А то не видно? Вон у вас маникюр какой и кофточка смешная. Сразу понятно.

Назвать пиджачок от Шанель смешной кофточкой? Это уже слишком. Я сухо поблагодарила шофера за доставку, поджала губы и, подхватив сумку с пакетом, направилась к зданию вокзала. Несмотря на ранний час, на вокзале уже были люди, видимо, отдыхающие карамазовского санатория. Внимания на меня никто не обратил. В небольшом кирпичном туалете я вымыла руки под старорежимным рукомойником с качающимся в центре небольшого бачка штырем и вытерла руки чистым, но уже немного смятым и влажным полотенцем. К сожалению, до меня кто-то им уже воспользовался. Но, честно говоря, ничего другого я и не ожидала.

В прохладном зале ожидания было чисто, влажные полы свидетельствовали о недавней уборке. Я прошла в небольшое помещение, на двери которого висела табличка с надписью «буфет». В буфете стоял запах как в детском саду или в школьной столовой: пахло кофе с молоком и манной кашей. На витрине в плетеных соломенных вазочках красовались, выложенные горкой, разнообразные булочки, коржики и пирожки. Сдобная выпечка всегда была моей слабостью. Но только сдобная.

– У вас булочки не очень черствые? – спросила я у краснощекой, пышущей здоровьем буфетчицы.

– Ночной выпечки, – ответила та, окидывая меня осуждающим взглядом.

Я с сомнением осмотрела витрину и выбрала небольшую булочку с повидлом. По крайней мере, повидло не творог, и даже просроченное отравления не вызовет. Буфетчица подала

булочку в бумажной салфетке и зачерпнула граненым стаканом кофе с молоком прямо из полного дымящегося эмалированного ведра. Удрученно вздохнув, я отошла к одному из столиков и присела. Кофе на удивление оказался неплохим, вкусом и запахом навеявшим воспоминания давно ушедших лет. А вот булочка... Она была восхитительной! Горячей, пышной, ароматной и необыкновенно вкусной. Проглотив ее почти моментально, я вновь подошла к буфетной стойке и попросила еще булочек: с изюмом, творогом и курагой. Буфетчица понимающе закивала головой и на этот раз уважительно уложила заказ на тарелку. Эта выпечка тоже была бесподобной. Свежайшей и потрясающе вкусной. Я с удовольствием купила бы еще пакетик сдобы про запас, но почему-то постеснялась. Ладно, думаю, на этом вокзале мне еще придется побывать. Уж в дорогу я точно наберу полный пакет.

Вернувшись в зал ожидания, я нашла глазами кабинет дежурного по станции и направилась к нему. Поздоровавшись с сидящим за столом человеком в железнодорожной форме, спросила:

– Можно узнать, не оставляли ли мне какую-нибудь информацию. Меня должны были встретить вчера, но почему-то не встретили. Видимо, мы разминулись. Может, кто-нибудь звонил или спрашивал? Я приехала вчера вечером московским поездом.

– Ваша фамилия Старикова? – дежурный поднял со стола какую-то бумажку.

– Да, – обрадовалась я. Значит, меня все-таки искали. – Александра Старикова.

Дежурный надел очки, внимательно несколько раз перечитал что-то на бумажке и протянул ее мне:

– Тут вас просили позвонить по этому телефону. Можете позвонить отсюда, если хотите.

– Нет, спасибо не надо. У меня роуминг.

Удивленный взгляд дежурного сказал все. Этого слова он явно никогда не слышал. Я вышла из здания вокзала, села на одну из скамеек на перроне, вытащила из сумочки мобильник и набрала длинный номер.

– Да, – тут же услышала я голос подруги. – Слушаю.

Никакого волнения или нетерпения в нем не наблюдалось. Полное спокойствие и невозмутимость. В этом вся Маня.

– Маняша, это я. Привет из столицы.

– Алечка, как хорошо, что ты позвонила, – неплохо для начала. Ни «где ты была», ни «как ты провела ночь»! Просто «хорошо, что позвонила». Нормально. – Ты откуда звонишь?

Еще одна новость! Мне так и хотелось ответить как тот мальчишка в лесу: от верблюда!

– С вокзала, естественно, – пересилив желание, ответила я вежливо и спокойно. – Сажу на перронной лавочке, рассматриваю местные достопримечательности.

– Пожалуйста, сиди и не двигайся с места, – попросила подруга. – Я скоро приеду за тобой. Это недалеко. Минут пятнадцать еще можешь посидеть, только никого не охмуряй. Я тебя знаю...

Ого, Манечка шутит! Медведь в лесу сдох. Ну что ж, еще пятнадцать минут выдержу легко. Я перетащила вещи к другой скамейке, откуда лучше просматривалась автобусная остановка, с удовольствием вытянула ноги и подставила лицо последнему августовскому солнцу. Легкий загар никогда не повредит.

Учитывая информацию, полученную от водителя камаза, Маня могла работать только на кондитерском комбинате. Я отлично представляла ее полное, покрасневшее от жара лицо, голову, до бровей покрытую марлевой косынкой, и окончательно расплывшуюся бесформенную фигуру в белом халате...

К автобусной остановке плавно подкатил переполненный автобус. Я выпрямила спину и принялась внимательно осматривать выходящих из него пассажиров. Узнаю ее или не узнаю? Несколько раз мне казалось, что в очередной полной женщине, неуклюже спускающейся со сту-

пенек, я вижу Манины черты. Но, покинув автобус, женщина бежала к зданию вокзала, торопясь, скорее всего, на электричку. Автобус почти опустел, но подруги все не было видно.

– Привет, Алечка, – вдруг раздалось над самым моим ухом. Как я могла ее пропустить, ведь так внимательно смотрела? Вот уж поистине, теряю форму просто на глазах. – Ты совсем не изменилась. Такая же красивая. Очень. Просто очень!

Я подняла глаза и второй раз за текущие сутки оказалась в полном нокауте. Этого я ожидала меньше всего на свете. Передо мной стояла высокая молодая женщина в модном костюме, безупречным макияжем и абсолютно чистым лицом, без одного прыщика. Без одного! Степные японские ежи зря сдавали сперму на косметологические цели, а не использовали ее по прямому назначению. Конечно, широкое лицо никуда деться не могло, но стильная стрижка так удачно закрывала выступающие скулы и крепкие щеки, что они совершенно не бросались в глаза. Облом, самый настоящий облом! По сравнению со стоящим передо мной совершенством пиджачок от Шанель действительно просто смешная кофточка. И самое главное. Ни одного признака бессонной ночи: темных кругов под глазами, мелких морщин над переносицей, потрескавшихся губ...

– Мань, это ты? – я даже не могла толком улыбнуться. Шоковое состояние поглотило меня полностью. – Боже, это ты? Как же... Как же... мы давно не виделись, – выдавила я из себя наконец.

А Манечка уже прижимала меня к полной груди, которая, вероятно, тоже не стала меньше, но потрясающий крой костюма и легкий шарф, обернутый несколько раз вокруг шеи и даже плеч, визуальнo уменьшали ее размеры и делали фигуру необыкновенно стройной.

– Да, ты изменилась, подружка, – я все-таки постаралась прийти в себя. – Но хороша, поверь, хороша беспредельно. Полный восторг! Как тебе это удалось с твоими переездами, мужьями и проблемами? Ты должна мне все-все рассказать. Это ваша Осинка творит чудеса, или ты сюда уже приехала такой королевной?

– Все, все потом, позже. Ты мне тоже должна многое рассказать, где болталась всю ночь, что делала и с кем спала, – Манечка рассмеялась. Боже святой! Она шутит, смеется! Что делается на свете...

Мы еще раз обнялись, расцеловались и уже без смущения рассмотрели друг дружку повнимательнее. Надеюсь, мой внешний вид тоже не разочаровал Маню. Хотя после всего увиденного в этом я не была уже абсолютно уверенной. Подруга подхватила мою сумку, я взяла пакет с одеялом, и мы пошли куда-то в сторону от автобусной остановки. Я не стала спрашивать, куда мы идем: она же местная, если идет, значит, знает пути покороче. Пересекая при вокзальную площадь и обходя спешащих пассажиров, которых становилось все больше, мы продвигались, как я понимала, к автомобильной стоянке.

– Ты не очень переживала, что я пропала? – спросила я, едва поспевая за Маней.

– Ну что ты, Аленька? – подруга стала серьезной и внимательной, как в юности. – Я же прекрасно знаю, что ты нигде не пропадешь. Мой, правда, дергался, порывался тебя искать, он чуть-чуть не успел к приходу поезда и чувствовал себя виноватым. Но я ему сказала: не дергайся, дорогой! Але не привыкать проводить ночи под открытым небом, она к этому привыкла. Она уже много лет работает практически на улице, вылавливая подгулявших мужчин у ресторанов и баров.

– Как?! Ты так и сказала? – кровь бросилась мне в лицо. – Что же он подумает?

– Ничего плохого, не бойся. Он подумает так, как я разрешу. Нет, я не волновалась. Надеюсь, ты сама расскажешь, где была ночью. Если захочешь, конечно. Но я очень, очень

рада, что ты приехала. И дело даже не в свадьбе. Просто мне необходима твоя помощь. Уж извини, что я сразу об этом сказала. Дело очень серьезное.

Мы подошли к стоянке и остановились у белого «мерседеса». Маня поставила сумку на землю и открыла багажник. Я сейчас умру. Маня и «мерседес»! Белый! Все мое существо просто взрывалось от бесчисленных вопросов: в какую передрыгу попала подруга, владелица такой крутой машины, если даже мое ночное отсутствие не показалось ей чем-то из ряда вон выходящим? В чем должна заключаться моя помощь? Где и кем она работает и работает ли вообще? Какая смертельная опасность грозит ей или ее будущему мужу? Что за бандиты разъезжают по дорогам ночной Осиновки, и почему ее никто не знает в этом захолустье? Вопросов было так много, что я решила и задала самый главный:

– Манечка, но что, что ты сделала с лицом? Это же что-то невообразимо бесподобное? Новый крем или специальная диета?

– Ни то, ни другое, – Маня двумя руками затаскивала сумку в багажник. – Просто у нас в Осиновке есть чудесный родник. Там вода уникальная. Около него даже Собор построили лет двести назад, мы в нем еще бываем. А за водой со всей области приезжают. После нее никакие кремы или мази не нужны. Говоришь, эффект на лицо и на лице? – она рассмеялась.

Нет, видимо, я поторопилась с вопросом. Мне нужно было спросить, что ты, дорогая, сделала с самой собой? Курс сеансов психотерапевта, кодирование, внедрение электронного чипа по изменению внутреннего состояния, пересадка мозга, наконец? Но невозможно же так измениться просто так: от жизни, от трех неудавшихся браков, от нашей безупречной экологии и модифицированных продуктов?

– О, у тебя с собой даже постельные принадлежности, – Маня укладывала в багажник объемный пакет. – Я же говорила моему, что зря волнуется.

– Это для тебя. Свадебный подарок, – пробубнила я. – Был еще импортный торт, но я его съела ночью. Такой вкусный, все пальчики облизала...

Я злорадствовала. Ты не волновалась за жизнь лучшей подруги, так вот: торта ты не получишь!

– И правильно сделала, что съела, – не уловив иронии, честно ответила Маня. – Наверняка бы испортился. Мои все равно ничего импортного в рот не берут. Разбаловала я их своей выпечкой. Ты же помнишь, надеюсь, мои пирожки и булочки?

Мне стало стыдно за злорадство.

– Конечно, помню. Разве это можно забыть? Так ты по-прежнему вся в домашних заботах – и готовишь, и шьешь...

– Это моя беда или счастье, не знаю, – Маня снова стала серьезной. – Я ужасно себя чувствую, если о ком-то не забочусь. А спокойна только тогда, когда вижу, как человек ест. Если его рот занят моим пирожком, человек просто не может быть несчастным. Ты понимаешь меня?

– Еще бы... А как с шитьем? Неужели костюм тоже сама сшила? – я оценивающе осмотрела Маню со всех сторон. – Отличная работа, не подкопаешься.

– Да что ты! Такая роскошь, как шитье, мне сейчас только снится. Готовый костюм, купила весной во Франции. Мой меня возил в ознакомительную поездку. Ну, в том плане, чтобы лучше познакомиться друг с другом перед свадьбой. А сама я уже год ничего не шью. Честно говоря, не знаю пока, куда машинку поставить. Для нее же место нужно специальное, чтобы света было достаточно, чтоб никому не мешала... В общем, пока не знаю, куда ее прикрепить. То в один угол поставлю, то в другой...

Я в очередной раз с грустью представила себе Манино временное жилище. Уж если машинку негде поставить... Да ладно, я сильно ее не стесню. Хорошо, сразу не сказала, что

приехала на целый месяц. Поживу пару дней до свадьбы и отчалию. Да еще помогу, если сумею. Что там у нее стряслось?

Мы разговаривали, стоя у открытого багажника, пока неожиданно Маня не посмотрела вокруг:

– А что же мы время теряем? Водителя-то у меня уже нет, – она хлопнула себя по лбу. – Никак не могу привыкнуть, что приходится водить самой. Знаешь, в Томске у меня был простой жигуленок, но я там вообще пешком не ходила, работы было много. А к этой громадине никак не могу привыкнуть. Даже знакомых просила меня возить первое время. Ни развернуться не могла, ни припарковаться. Сейчас немного привыкла. Ну что, поехали. Скорости не боишься?

Где-то я недавно уже слышала эту фразу... Фирменный осинольский стиль? Нет, я ничего не боюсь. Особенно после пережитого прошлой ночью и увиденного нынешним утром. Маня села за руль, прямо в машине передела туфли, сменив шпильки на легкие мокасины, и мы поехали. За рулем Маня вновь стала сосредоточенно серьезной. Выехав на дорогу, мы развернулись, и машина понеслась в сторону моей ночевки. Вероятно, это была дорога к тому самому Карамазову, о котором уже поведал мне водитель камаза. Я по-прежнему разрывалась от множества вопросов, на которые пока не получила даже приблизительных ответов.

Как такое могло случиться? Как Манечка, когда-то с трудом сводившая концы с концами, стала обладательницей не только настоящего французского костюма, но и белоснежного «мерседеса»? Что за чудотворная вода в карамазовском источнике, бесследно уничтожающая прыщички на лице? Кем является, в конце концов, ее новый избранник? Олигархом, наследным принцем, продавцом арбузов или рэкетиром? Откуда взялись у Мани такая уверенность, утонченность манер и легкость походки?..

Не переставая следить за дорогой, все более и более удивляясь, краем уха я слушала рассказы Мани о ее жизненных перипетиях. Подруга долго и спокойно рассказывала о первом муже. «Несчастный, он так страдает. С официанткой так и не ужился. Женился вторично на одной женщине, она неплохая, но он и ее оставил. Теперь и она страдает. Бедный, сам не знает, чего хочет...». После небольшой паузы Маня взглянула на меня и спросила:

– А ты по-прежнему одна? Что за проблемы?

– Манечка, подружка, у меня все отлично, – проговорила я, словно оправдываясь. – Все хорошо. Просто насмотрелась на мужиков. Все гуляют направо и налево, не хочется быть обманутой. А так я сама по себе, как кошка. Хочу – работаю, хочу – отдыхаю, а хочу – к подруге на свадьбу еду. Неужели ты сама этого не поняла, ведь уже столько раз прокалывалась. Какой по счету у тебя этот брак? Четвертый?

Маня немного помолчала.

– Да, кажется, четвертый. Но сейчас мне кажется, что первый. И, надеюсь, последний. Да и прокалывалась я, как ты говоришь, не так много. Только один раз с первым мужем. А все остальное у меня было абсолютно сознательно и добровольно.

– Ты добровольно шла на брак, зная, что ему предшествует развод? Сомневаюсь, – непроизвольно я ощутила в своем голосе оттенок иронии и даже ехидства. – А как же Сергей? Помнишь его? С ним у тебя ведь тоже не получилось?

– Сергей? – Маня задумалась ненадолго. – Это отдельная история. Но и тут я не прокололась. Я все знала с самого начала, да и ты видела, какой он. Чего уж тут говорить...

У меня предательски дернулась щека. Так она все видела?! Тогда, на диване и после, в прихожей, когда он уходил? Мне стало стыдно.

– Мань, у тебя есть сигареты? – мне почему-то ужасно захотелось покурить.

– Что за новости, ты же никогда не курила? – Маня даже убавила скорость от удивления. – Нет, к сожалению. Мой этого не одобряет, а я стараюсь на конфликт не идти. Хотя сейчас бы и я покурила. При чем с удовольствием.

– Останови машину, – попросила я. – У меня в сумке кое-что есть на черный день.

– Отлично. Только надо куда-нибудь спрятать машину, пока будем дымить в кустах. Меня тут все знают. Каждая собака, как говорится. Не хочу, чтобы языками трепали. К тому же мой очень принципиальный. Ругать не будет, но обидится. Ты знаешь, ему многое пришлось пережить в жизни. И хорошего, и плохого. Но больше плохого. Но сейчас он очень изменился. Крестился недавно. У него лучший друг – священник. Кстати, он и будет нас венчать.

– Маня, останови машину, – от ее новостей мне становилось все более и более не по себе. – Хочу курить!

– Вон, смотри, заброшенный пост гаи у перекрестка, – сказала Маня, а я увидела впереди свой Хилтон на курьих ножках. – Мы сейчас машинку за него припаркуем, и нас никто не заметит.

...Мы удобно сидели на невысоком пригорке, скрытые от дороги пышными кустами, и курили длинные тонкие сигареты. Они были наилегчайшими, но с непривычки обе поначалу закашлялись. Беседуя, мы наблюдали за оживленным утренним шоссе. Маня, как в юности, повязала на голову шелковую косынку, аккуратно прикрыв волосы. Нет, кое-что от бывшей подруги все-таки я узнавала в этой осинонской незнакомке.

– Ты сказала, что тебя все знают, а вот я случайно столкнулась с двумя местными жителями этой ночью, – я умышленно не стала упоминать ни о де Ниро, ни о водителе камаза, – так они даже не слышали твоего имени.

– Не может быть, – Маня даже оторопела. – Может, кто-то из новеньких? Я тут уже три года, почти старожил.

– То же самое один из них говорил о тебе. Может, она из новеньких? – мы рассмеялись.

– Кстати, а как ты спрашивала? Ты же фамилии моей последней не знаешь и адреса?

– А за это тебе отдельное большое спасибо. Приезжай, подружка, туда, не знаю куда... Как спрашивала, как спрашивала... Спрашивала, где живет моя любимая подруга Маня.

– Ну, конечно, – Манечка облегченно вздохнула. – Кроме тебя меня так никто не называет. Даже мой. Ты что, забыла, ведь это было нашей девичьей секретной шуткой? Ты меня называла Маней, а я тебя Алей. Мы еще играли в детективов и посылали друг другу телеграммы, подписанные этими именами, чтобы никто не догадался, от кого они.

– А как тебя здесь, в Осинке называют?

– Да как? Как в паспорте написано – Марьяной Серафимовной. Уж это ты, надеюсь, помнишь?

Мы снова рассмеялись. «Черт, – подумала я. – Может, зря я обидела этого де Ниро?». Мысль о том, что Маню могут знать совершенно под другим именем, почему-то не приходила в мою голову раньше. Я решила не рассказывать Манечке о ночном приключении, тем более, что приключения-то собственно и не получилось. Все обошлось.

– Так что там у тебя произошло с остальными мужьями? – спросила я. – Давай, рассказывай, раз сама начала. Как ты с ними не прокалывалась?

...Рассказ Манечки был не менее удивительным, чем и ее неожиданное преображение. Направившись после развода, как и планировала, поближе к родителям и друзьям, она купила билеты на поезд, чтобы показать детям огромную страну, и поехала. В купе познакомилась с пожилой интеллигентной дамой из Новосибирска. За долгое время пути они успели сблизиться и даже подружиться. И эта дама уговорила Манечку изменить маршрут и остановиться у нее дома. «Работы полно, одиноких порядочных мужчин – море, устройшься, новую семью заведешь. Все наладится». Маню особенно ничто не связывало с исторической родиной, и она согласилась. Поселилась с детьми на даче новой знакомой, а потом познакомилась с ее единственным сыном, молодым математиком, подающим большие надежды и работающим в Ака-

демгородке. Через какое-то время, благодаря стараниям пожилой попутчицы, у Мани возникли нежные, почти материнские чувства к ее сыну, витающему в мире формул и логарифмов и совершенно не приспособленному к быту. Он и стал ее вторым мужем.

Манечка приложила немало усилий, чтобы оградить молодого ученого от повседневных забот. Помогла защитить ему кандидатскую диссертацию и подготовить докторскую. Неплохо зная немецкий, она делала мужу сложные переводы из специальных изданий. Правда, уже переведенные тексты, казались ей более непонятными, чем китайские иероглифы, так как изобиловали сложными математическими терминами, понятиями и доказательствами. Однако, умненький муж, таких обычно называют «ботаниками», все в них прекрасно понимал и был безмерно благодарен Мане. Когда за три года совместной жизни муж защитил докторскую и стал одним из самых молодых профессоров в стране, добросердечная заботливая Манечка поняла, что свою задачу она выполнила полностью. Дальше Виталик (так звали второго мужа) мог двигаться по жизни и самостоятельно. Маня, желая пристроить мужа получше и найти ему достойные «вторые руки», сама присмотрела для него молодую аспирантку, также витавшую в темных облаках формул, и соединила их математические души. Никто ни на кого не был в обиде. Оформив развод и распрощавшись с людьми, ставшими ей родными, Маня села на поезд и продолжила прерванное возвращение на родину.

...Уже подъезжая к Томску, проводница посадила к ней в купе безбилетного пассажира, «зайца». Через пару часов общения с ним Маня поняла, что перед ней классический образец неудачника, отчаявшегося в жизни, потерявшего ее смысл и вяло плывущего по течению. Ее искренне встревожило депрессивное состояние добродушного и даже несколько наивного человека, не имеющего ни семьи, ни детей, ни толковой работы. Решение было принято почти мгновенно. В Томске они сошли вместе: Иван (тот самый «заяц»), Маня и ее двое детей. Вместе они прожили несколько лет. Жили в одной комнате двухкомнатной квартиры. Вторую комнату занимал друг Ивана, такой же наивный, потерявший во время перестройки почву под ногами, неустроенный, пьющий одинокий бухгалтер. Алик. Взяв шефство и над ним, Маня организовала небольшое ателье по изготовлению верхней женской одежды. Сосед Алик занимал в ее небольшом, но процветающем предприятии должность бухгалтера; Иван, ставший к тому времени третьим законным супругом, работал водителем, развозя заказы и сопровождая Маню на встречи, переговоры и склады. Все развивалось благополучно и планомерно. Никаких проколов, измен или разводов.

Третий муж Манечки трагически погиб в нелепой автомобильной аварии. Подруга поплакала на поминках, затем собралась, взяла себя в руки, приватизировала комнату и подарила ее другу-бухгалтеру. Прощаясь на вокзале, Алик плакал навзрыд на широкой Маниной груди. Почва снова уходила у него из-под ног.

...У меня страшно кружилась голова. То ли от третьей подряд сигареты, то ли от невероятных рассказов подруги. Я совершенно не понимала, чем конкретно могу помочь Манечке с ее деловой хваткой и умением самой помогать всем вокруг. По сравнению с ней Чип и Дейл, спешащие на помощь, просто беспомощные кутята.

– Маня, – сказала я, когда она закончила рассказ о третьем муже. – Маня, ты не Маня. Как были мы наивны и слепы в юности, давая друг другу смешные имена. Ты – мать Тереза. Да, именно так. Ты настоящая мать Тереза!

– Да что ты, – отмахнулась подруга, вмиг став серьезной как двадцать лет назад. – Разве можно сравнивать? Она – святая, целым народам помогала, а я только и смогла одного Виталика в люди вывести. А Ваню вот не уберегла. Но меня греет одно: он ушел счастливым. При жене, работе, зарплате... А ведь могло окончиться все гораздо раньше и хуже.

Мы немного помолчали. Уезжать с перекрестка почему-то не хотелось. Меня так и подмывало рассказать Мане про ночлег в домике на курьих ножках. Узнав о ее бурлящей и стремительно меняющейся, как горная река, жизни, в моей душе все-таки возродилась обида. Вот ведь всем помогала, каких-то ботаников и полубомжей спасала, а тут лучшая подруга пропала – ночью, в незнакомой местности, в короткой юбке... И она еще «своему» говорит: «не дергайся, выкарабкается...». Да, Маня все же загадка. Хотя у меня с моей работой таких загадок просто не должно было быть. Форму теряю катастрофически. Но с другой стороны – от таких новостей у любого крышу бы снесло.

Наконец Маня сняла косынку, мы сели в «мерс» и продолжили путь. Мне по-прежнему не терпелось узнать о четвертом выборе подруги.

– Он строитель, – коротко ответила Маня. Ну, просто как в тех школьных тетрадках. Миллион ненужных слов и только два с конкретной информацией. – Строитель. Все увидишь сама и, надеюсь, поймешь. Это чудо, что мы встретили друг друга, у нас безумно много общего.

Серьезный тон, даже малейшего намека на шутку. Надеюсь, что пойму. Но если все так замечательно, какая от меня-то польза? Может, что-нибудь с детьми?

– Как дети? – осторожно спросила я.

– С ними все в порядке, – оживилась подруга, не сводя внимательного взгляда с дороги. – Сын уже студент второго курса. Он у меня спортсмен, футболист. Сейчас на сборах с командой. Дочка учится в школе, выпускной класс. Сейчас в Болгарии отдыхает. Должна приехать к началу занятий. С ними все в порядке, спасибо.

Спасибо за что? За вопрос, за приезд или за волнение?

– С одеялом ты отлично придумала, – Маня повернула вправо и съехала на грунтовую дорогу. – Всегда пригодится. Особенно сейчас, когда полно гостей.

Так, значит, кроме меня Маня принимает еще кого-то... Интересно, кого?

– Мы едем в Карамазов? – спросила я.

– Ну что я говорила! Ты никогда не теряешь зря времени. Несколько часов в наших краях, а уже абсолютно в курсе дела. Нет, Аленька. В Карамазове я только работаю, а живу почти в лесу. Далековато, конечно, но я привыкла. Ты скоро все увидишь. Мы уже близко.

Она снова великолепно уклонилась от вопроса. Все я должна увидеть сама: и ее будущего мужа, и таинственных гостей, и землянку в лесу. Вот Манька-подпольщица! Нет, никогда, никогда не прощу ей прошлую ночь! Я, безусловно, не погибла, но как-то неприятно, что о тебе никто и не побеспокоился...

– Так что там у тебя за гости кроме меня? – все-таки не удержалась я от вопроса. – Тесно не будет?

– Да дело не в тесноте. Но нет, конечно, не волнуйся. Тебя ждет самая достойная кровать (я облегченно вздохнула). Дело в них самих. Хорошо, что ты спросила, а то нам ехать осталось всего ничего. Нужно ввести тебя в курс дела. Понимаешь, со всеми бывшими мужьями и их родственниками или друзьями я пытаюсь сохранить отношения. Все же не совсем чужие мы, какое-то время жили вместе. Мы иногда переписываемся. Я не могла не сообщить им о предстоящей регистрации. И знаешь, так бывает, – Маня была серьезна, как никогда. – В конце письма дежурная фраза – буду рада видеть. Только ради Бога не подумай чего – к тебе это не относится. Я мечтала о встрече с тобой. Так вот... Мы собирались устроить очень скромный обед. Я, мой и два свидетеля: его друг и моя подруга, то есть ты, Аля. Но случилось нечто непредвиденное.

Я напряглась, чувствуя, что сейчас, наконец, узнаю, в чем дело.

– Так вот, – медленно и спокойно продолжала Маня. – Случилось непредвиденное. Но это не беда, не волнуйся. Возможно, это даже удача.

– Ну что, что же случилось, в конце концов? – не вытерпела я долгих отступлений.

– Они приехали все!

– Кто все? Все мужья, включая покойного Ивана?

– Нет не мужья, а их, так сказать, представители. Приехала вторая жена моего первого мужа, мама второго и друг третьего, Алик.

– О, нет! Ты неудачно пошутила или сошла с ума!

– Пожалуйста, не волнуйся! Ситуация, конечно, несколько напряженная, но не критическая. Я сама сначала была в небольшом шоке. Но потом присмотрелась, подумала, и у меня созрела одна идея. Вот в ее осуществлении мне и нужна твоя помощь.

Я все еще не могла прийти в себя от потрясения. Собрать под одним потолком «представителей», как говорит Маня, всех трех бывших семей? Это слишком даже для моих свободных взглядов на отношения.

– Нет, Маня, извини, но до меня это не доходит. Я помогу тебе, конечно, хотя не слишком понимаю, в чем. И все же ты так рискуешь... А что «твой»? Как он отнесся к этому шабашу?

– Я же сказала, что у нас очень много общего. Он только рад, что у меня есть настоящие друзья.

Я недоверчиво хмыкнула. Друзья в лице бывшей свекрови, второй жены первого мужа и друга-неудачника, который сам себе не мог даже квартиру построить? Что-то сомнительно. Первая, наверняка, приехала расстроить предстоящее бракосочетание, старуха – с намерением спихнуть Манечке на воспитание внуков, а Алик попросить еще одну квартиру, потому что старую успел пропить... Единственным настоящим другом в этой подозрительной компании была я. Но обо мне никто даже не побеспокоился прошлой ночью. Это что-то невероятное! Я поджала губы. Как несправедлива жизнь...

Занятая своими мыслями я не заметила, как мы подъехали к сетчатому ограждению и остановились у широких закрытых ворот. Слева от ворот красовалась добротная сделанная вывеска «Коттеджный поселок «Осиновка». Маня щелкнула кнопкой на небольшом пульте, и дверцы ворот разъехались в противоположные стороны, открыв доступ на территорию. Так... Час от часа не легче. Так вот, оказывается, где расположена Манина землянка. О существовании коттеджного поселка я уже слышала от водителя камаза, но представить себе, что именно здесь и живет моя подруга, я не могла. Тем временем Маня еще раз щелкнула пультом, и дверцы ворот плавно закрылись за нами. Мы оказались внутри комфортабельной и даже стильной современной деревни с одной улочкой, по обе стороны которой на небольшом расстоянии располагались двух-трехэтажные дома, как их тут, похоже, называли «коттеджи». Я уже было открыла рот, чтобы спросить, в каком из этих коттеджей работает экономкой или домоправительницей Манечка, как мы остановились у крайнего с левой стороны улицы дома.

– Вот мы и приехали, – сказала Маня. – Добро пожаловать в Осиновку, Аленька. Надеюсь, она тебя не разочарует.

Выгружая из багажника мои вещи, свои картонные коробки и наполненные чем-то полиэтиленовые мешки, Манечка продолжила:

– О моих гостях поговорим позже. Сейчас мы немного освежимся с дороги и выпьем кофе. Идем, я покажу тебе дом и твою комнату.

Оставив вещи прямо у входа, мы зашли внутрь. Словно почувствовав мой немой вопрос, Маня объяснила:

– За вещи не беспокойся, тут у нас спокойно. Не воруют. Да и воровать некому. Половина домов пока пустует, они выставлены на продажу. Хотя желающих поселиться в них достаточно.

В большой светлой гостиной, занимающей почти весь первый этаж, мы остановились. В глаза сразу же бросились огромные, во все стены окна с современными роллетами, камин в углу, закрытый прозрачной дверцей из огнеупорного стекла, несколько диванов, стоящих в разных концах помещения и образующих уютные зоны отдыха.

– Вот здесь мы чуть позже побалуемся кофейком с чем-нибудь покрепче. А теперь пойдем наверх, к тебе.

– Маня, – я опустилась на один из диванов, потому что ноги просто перестали слушаться. – Скажи мне, наконец, чей это дом, и какое отношение ты к нему имеешь? С криминалом я связываться не хочу, ты же знаешь, кем я работаю.

– Аленька, милая, не волнуйся. Я все объясню тебе позже. Времени у нас достаточно. Ты же не на два дня приехала, надеюсь. Все вполне законно. Это мой дом. Правда, еще не совсем выплаченный. У меня кредит на пятнадцать лет. Но, возможно, выплачу раньше, если все будет хорошо. Давай, давай, приходи в себя. Я думала, что уж москвичку-то я ничем не удивлю.

– Боже, Манечка, я не сдвинусь с места, пока ты не скажешь, где и кем ты работаешь? Откуда, откуда все это? С тремя разводами за плечами и двумя детьми на груди? Чем ты занимаешься, в конце концов? Что за тайны мадридского двора? Торговля оружием, наркотики, контрабанда? Говори, или я умру, не вставая.

Маня рассмеялась:

– Ну, какая же ты настырная. Никакой тайны здесь нет. У меня небольшой бизнес в Карамазове. Я организовала там кулинарное производство. Сначала была просто маленькая кондитерская при санатории, потом она превратилась в цех, а теперь это небольшой комбинат. Вот так. И никакого оружия или наркотиков. Только сладкие булочки и пирожки. Я делаю то, что умею. И никаких секретов. Ты все поняла? Сможешь теперь подняться?

Сил сопротивляться не было. В голове только пронесся образ, сложившийся у меня в ожидании подруги: толстая краснощекая Маня в марлевой косынке перед раскаленной печью. Как же далека была я от истинного положения дел... Мы поднялись на третий этаж.

– Полную экскурсию я проведу после завтрака, а сейчас только самое необходимое. Надо пользоваться тем, что пока мы одни. Гости отправились с утра за грибами, вернутся не раньше обеда. Мой на работе, будет поздно. Да он и не живет здесь еще. Так что пока мы одни, давай воспользуемся этим сполна. На втором этаже спальни – моя и детей, а на третьем – гостевые комнаты. Так уж я решила. У тебя, как и обещала, самая лучшая. А вот и она!

Маня распахнула дверь из тонированного рифленого стекла, и перед нами возникла «моя» комната. Да, тесно тут действительно не будет. По размерам комната превосходила всю мою съемную однокомнатную квартиру вместе с кухней и лоджией. По сути, третий этаж был не чем иным, как благоустроенным чердачным помещением. Низкий скошенный потолок, вероятно, повторял контуры крыши. Обстановка достаточно скромная, но здесь было все необходимое. Кровать, стоящая в самой низкой части комнаты, стул, два кресла перед журнальным столиком, небольшой встроенный шкаф с зеркальной поверхностью. Широкое окно выходило на балкон, туда же вела и высокая, настежь распахнутая дверь. На подушке лежала красиво задрапированная шелковая ночнушка с обрезанным ценником, а перед кроватью на ворсистом коврик примостились новые домашние шлепанцы. Здесь явно ждали моего приезда. У меня перехватило дыхание. Ух... Я снова было в шоке.

– Не буду тебе мешать, – сказала Манечка. – Пойду, подогрею воду для купания, а ты принеси вещи, располагайся и спускайся вниз. Туалетная комната, к сожалению, одна, в коридоре. Но зато на каждом этаже – своя. Как-нибудь разместимся. Как думаешь, не очень плохо? Ты не обиделась?

– Иди отсюда, – я, шутя, замахнулась на подругу ночнушкой. – Совсем добить меня хочешь? Подпольная миллионерша... Обиделась... Конечно, обиделась! Почему только один туалет? Не буду я с твоими представителями в один горшок писать. Быстренько мне личный толчок! Как я понимаю, для тебя нет ничего невозможного.

– Я тебе в комнату биотуалет поставлю, – рассмеялась Маня. – Это не проблема. Свекровь тоже так захотела. А мыться будешь в моей личной душевой. Как самая почетная и любимая

гостя. Ну ладно, не будем терять время. Я к обогревателю, а ты за вещами. Встречаемся внизу через десять минут.

Мы спустились вниз. Я пошла затаскивать наверх свою поклажу, а Маня скрылась за одной из дверей первого этажа. Шоковым мое состояние назвать было нельзя. Я находилась в полуобмороке. Механически раскладывая на полках встроенного шкафа вещи, я чувствовала себя бедной Золушкой, случайно заглянувшей в окно королевского дворца, где проходил торжественный прием. Ничего себе, как все случается в жизни! Я и представить не могла, что в какой-то Осиновке обнаружу не только коренным образом преобразившуюся подругу, но и некий полупустой коттеджный поселок, где меня ждали новая ночнушка и домашние шлепанцы. Да, Маня, тебе удалось удивить меня... Я задвинула деревянные плечики с пиджачком от Шанель подальше в угол. Никого-то им я сразить не смогла. Пусть лучше повисит здесь, подальше от посторонних взглядов. Прав был водитель камаза: это просто смешная кофточка по сравнению со всем остальным. Разобравшись с вещами, я вышла на балкон. Вид с него открывался великолепный: высоченные поскрипывающие сосны, холмы, как ковром покрытые густой травой... А воздух такой потрясающе свежий, живительный. Нет, это не Осиновка, это сказка какая-то. Немного придя в себя и успокоившись, я вспомнила о проблемах, которые мне необходимо было решить. Пока я не совсем разобралась в них, ибо информация, предоставленная Маней, была весьма ограниченной. Ну что ж. Всему свое время, как сказала подруга. Доживем до обеда. Я переделалась, взяла пакет с банными принадлежностями, полотенце и спустилась вниз. Маня, одетая в махровый полосатый халат (интересно: сама шила или из Франции?) уже поджидала меня.

– Вода немного согрелась. Думаю, не замерзнем. Такой август теплый стоит, как по заказу. Пошли.

Она подвела меня к одной из дверей и открыла ее. Мы прошли по узкому коридорчику к еще одной, более основательной двери, вероятно, черному ходу. Маня распахнула ее, и мы оказались во дворе за домом. Прямо перед нами внезапно возник небольшой бассейн, наполненный сверкающей на солнце и отражающей синий цвет неба водой. Маня наклонилась и потрогала воду рукой.

– Нормально, можно купаться. Я буду безо всего. Ты тоже, если хочешь. Здесь никого нет, не бойся.

Она сбросила халат и нагишом плюхнулась с невысокого бортика в бассейн, подняв при этом фонтан брызг.

– Ой, как хорошо. Здорово! Немного прохладно, но я обогреватель пока не выключала, сейчас станет комфортнее. Давай, Аленька, прыгай, поплескаемся перед завтраком. Взбодримся немного.

Застывшая, как статуя, я стояла у бортика, судорожно сжимая в руках пакет с шампунем.

– Ну что же ты? – позвала Маня и окунулась с головой. – Ты такая бледная. Может, у тебя месячные?

– У меня нет месячных, – тихо ответила я пересохшими губами. – Я просто боюсь захлебнуться.

– Да ты с ума сошла! Здесь в самом глубоком месте не больше двух метров. Обычный лягушатник. Не бойся.

– Маня! Я боюсь не воды... Я боюсь захлебнуться от зависти, – честно призналась я. И это было действительно так. Я завидовала безмерно, безгранично. Почти смертельно... Чувство, которое я больше всего ненавидела в других, захватило меня полностью, перекрыло все остальные чувства и превратило в низкое, примитивное и злобствующее существо. Я завидовала первый раз в жизни. Но зато как!...

Маня выскочила из бассейна, как дельфин, и, обхватив мои плечи мокрыми большими руками, сильно прижала к своему рыхлому телу. Меня немного успокоило то обстоятельство,

что без корректирующего белья она не казалась такой уж безупречно стройной и юной. И все же слезы непроизвольно потекли из моих глаз, уничтожая меня как личность и как самодостаточную женщину.

– Аленька, милая, да что ты? – Маня гладила меня по голове, тоже готовая расплакаться. – Да что ты? Такая стройная, умная, смелая... У меня никогда не было подруги красивее и успешнее тебя. Смотри, как все здорово у тебя сложилось в жизни. Ты самостоятельная, никто тебе не мешает...

– Лучше бы мешали, – рыдала я. – Никому я не нужна со своей самостоятельностью. Я даже замужем никогда не была. Ууу... Думаешь, легко всем объяснять, что и так хорошо? Ничего не хорошо, понятно тебе это? Ты не понимаешь и никогда не поймешь. Ты такая счастливая, такая везучая. Ууу...

У меня началась самая настоящая истерика. Понимая, что теряю не только лицо, но и, возможно, доброе отношение лучшей подруги, я, не переставая, рыдала на ее плече и не могла остановиться. Никогда бы не подумала, что могу так расслабиться. И так расклеиться. Как у неизвестного мне пока Алика почва зыбкой трясинной уходила из-под ног, превращая меня в маленькую, несчастную и капризную девочку, которой вовремя не купили новую куклу.

Со стороны мы обе, вероятно, представляли весьма двусмысленную картинку. Две обнявшиеся рыдающие дамы постбальзаковского возраста, одна из которых, причем, совершенно обнаженная.

– И ты еще не встретила меня вчера, – продолжала я, жалобно всхлипывая. – Как ты могла? Я же чуть не погибла ночью, представляешь? Я на маньяка нарвалась, чуть ноги унесла. Меня хотели изнасиловать и убить. А ты даже не волновалась! Подруга называется. Ууу... Ууу... А еще дикарь этот, маленький Маугли с его «бе-бе-бе»... И бандиты на перекрестке. Ууу...

Маня отстранилась от меня и сильно встряхнула за плечи.

– Что ты несешь, Аля? Какие бандиты, маньяки, какие Маугли? Ты что? Успокойся. Ну, извини, что не встретила. Так получилось, но потом, позже я тебе все объясню. Ты меня простишь. Все же закончилось хорошо. Ну-ну, давай, успокаивайся.

Видя, что уговорами не помочь, Маня вырвала из моих рук пакет, отбросила его на плиточную дорожку и резко толкнула меня в бассейн. От неожиданности я резко ушла под воду, потом вынырнула, глотнула воздух широко раскрытым ртом, бросила на Манечку бешеный взгляд и снова погрузилась на двухметровую глубину. Как ни странно, такой странный поступок подруги в совокупности с прохладной водой моментально привел меня в чувство. Все еще продолжая барахтаться в бассейне в отяжелевшем велюровом костюме (тоже Франция, между прочим), то погружаясь в воду, то выныривая на поверхность, я уже не плакала и даже не всхлипывала. Все оставшиеся чувства были направлены сейчас на Маню, которая вслед за мной бросилась в бассейн и сейчас чуть поодаль с интересом наблюдала за моими маневрами.

– Ну, погоди, подруга! Получишь ты у меня по полной программе, – в очередной раз высунув голову из воды, прокричала я и погрозила ей кулаком.

– Ага, ага... получу. Ты только сначала выплыви. Да я тебя одной левой! Ты знаешь, какие тяжести мне приходится поднимать? Рыдает она тут! Успокоилась немного? Ну вот, а теперь можно и поговорить.

Я уже освоилась с положением русалки, подплыла к бортику и ухватилась за него обеими руками. Неподалеку от меня красиво качались на воде два новых домашних шлепанца. Не долго думая, я схватила один из них и бросила в Маню. Подруга ловко увернулась от него, подхватила другой шлепанец и совершила ответный бросок. Так, смеясь и перебрасываясь тапками, мы перемещались по всему бассейну, поднимая тысячи брызг и заливая дорожки вокруг. Наконец Маня сдалась и попросила перемирия. Мы подплыли к металлической лестнице, прислонились спинами к бортику и легли на воду, болтая невесомыми ногами. Теперь я не могла

остановиться уже от смеха. Успокаиваясь немного, я поворачивалась к Мане, встречала ее невинный взгляд, и мы снова покатывались со смеху. Сейчас Манечка стала очень похожей на саму себя в молодости. Без косметики, без тщательно уложенной прически и французского костюма, она лишилась и представительности бизнес-леди, и статуса четырежды замужней женщины.

– А ты помнишь, как мы по рынку на Динамо гуляли лет двадцать назад? – сквозь смех проговорила Маня. – Остановились у одного киоска просто так, посмотреть, а продавец-дядька говорит мне: «Женщина, возьмите себе сарафанчик джинсовый».

– А ты так серьезно отвечаешь: он мне немного не по возрасту, – подхватила я.

– А он тогда говорит: «Так вы дочке возьмите, будет в школу весной ходить» и на тебя показывает. А мы тогда от смеха пополам сложились, ведь мы-то ровесницы, а не мама с дочкой. Но ты просто всегда так хорошо выглядела. Всегда! Такая порода чувствуется: и фигура, и талия, и лицо. Не то, что я – мешок мешком.

– Да нет, – возразила я. – Про таких, как я, говорят, маленькая собачка до старости шенок. А представляешь, как я буду выглядеть лет через десять? Пионерка с лицом пенсионерки. Ужас! А ты хоть и в теле, но зато женщина без возраста. Тебе всегда будет тридцать. И сейчас и через десять лет, и через сорок.

– Да на что мне тридцать? Я на пенсию хочу. Хочу, чтобы мне место в автобусе уступали.

– А на что тебе в автобус садиться, у тебя же «мерседес» есть?

– А, может, я себе автобус куплю, откуда ты знаешь? Мне же деньги девать некуда.

– Нет, Мань. Ты лучше построй мне ветку метро до дома, чтоб я без пересадки до центра добиралась.

– Без вопросов. Я тебе две ветки сделаю: одну до центра, а вторую до Осиновки, чтобы легче было сюда ездить и не теряться.

Мы снова расхохотались. Мне было ужасно стыдно и за срыв, и за обвинения, которые я, не сдержавшись, вывалила на подругу. А ведь ей действительно было чем заняться, принимая неожиданных гостей. В конце концов, я же не центр вселенной. Но в любом случае конфликт был исчерпан. Спустя двадцать минут мы уже сидели за одним из низких столиков в гостиной и пили кофе, закусывая его яблочным пирогом.

– Мань, а на вокзале в буфете случайно не твоя выпечка продается? – спросила я.

– Конечно, моя, я тут единственный поставщик сдобы. Даже хлебозавод отказался от сладкой мелочевки. Мы друг другу не конкуренты. Он занимается настоящими серьезными продуктами, а я так, десертом.

– Классные булочки. Честно говоря, они мне напомнили твои, но тогда я даже не подозревала, что ты в таких масштабах можешь работать. И пирог просто потрясающий... Ты извини, что я так нагрозила тебя в бассейне. Просто что-то навалилась. Устала сильно. Давно не была в настоящем отпуске.

– Вот и отдохни. Поживи здесь месяц-другой, воздухом подыши, к источнику съездим, там тоже тапками побросаемся, если захочешь... Грибы пособираем. И я отпуск возьму, чтобы тебе не скучно было. Хотя обещаю, что в Осиновке скучать не придется. Я маме твоей так и сказала, что раньше октября тебя не выпущу. Ты же сама видишь, какая у нас тут природа, солнце, воздух замечательный, вода...

– Да... Солнце, воздух и вода наши лучшие друзья... Даже не знаю, что и сказать, – ответила я, а про себя подумала, а почему бы и нет? Если это не землянка и не комната в хрущевке, и если я никого сильно не напрягу, то почему бы и не до октября? – Я подумую.

Мы немного помолчали, уписывая пирог. Потом Маня вытащила откуда-то шелковый платок, повязала его на голову и предложила:

– Пойдем к тебе, покурим на балконе, пока никого нет. Спички у меня в кармане. Гулять, так гулять. И выпьем немного в виде аперитива. Ты представляешь, подружка, какие я слова знаю? Сколько же лет прошло! Страшно подумать, какими мы стали большими девочками...

Она достала из узкого комода бутылку белого мартины, бокалы и мы поднялись на третий этаж. Стульев на балконе не было, поэтому мы уселись прямо на теплый кафель, открыли бутылку, чокнулись, выпили по глотку и закурили.

– Аленька, – помолчав, начала Маня, снова став серьезной и даже грустной. – Я тебя очень прошу, не надо мне завидовать. Ты что думаешь, я всегда так жила? – она сделала знак не перебивать и продолжила. – Это я сейчас немного поднялась, а так... Всего же в письмах не напишешь. Я же от всех мужей уходила ни с чем, только с детской одеждой... Им все оставляла – и квартиры, и мебель, и вещи разные. И даже бизнес. А все, что сама зарабатывала, тратила на переезды. Ты представляешь, сколько стоят билеты на троих из одного конца страны в другой? Да представляешь, конечно... А где мне только не приходилось работать! – Маня сделала глубокую затыжку. – Хорошо еще, что работы я никогда не боялась, если помнишь. В Новосибирске только полегче было, и то с этими переводами с немецкого у меня чуть нервный срыв не случился. Зрение так посадила, что с тридцати лет в очках читаю. А в Хабаровске я и чужих детей растила (она так и сказала «растила», по-сибирски делая ударение на первом слоге), и ночной сиделкой подрабатывала. И это кроме основной работы. Днем платья дамочкам шила, в тех краях дамы богатые, а ночами с их престарелыми родственниками сидела, судна под них подкладывала... И таксисткой одно время работала, но это уже в Томске, пока фирму свою не открыла. Но я не жалуясь, ты не подумай. Видно, так было нужно. И здесь тоже в Карамазове два года на съемной квартире жила. Не поверишь, но на станции железнодорожной, где мы с тобой встретились, пирожки продавала. Напеку дома, а потом на попутке на вокзал или к санаторию. Так что завидовать мне особенно было нечему. Ну, а сейчас, конечно, можно, но только чуть-чуть. Ты поняла? Без фанатизма, как говорится.

– Мань, ну я же попросила прощения. Сама не пойму, что произошло со мной, как этот твой лягушатник увидела и тебя голую в нем. Вот, думаю, повезло бабе. Все, проехали. Если бы ты знала, как я за тебя рада. Хорошим людям должно везти. Хоть иногда. Давай выпьем! За тебя, за меня и за нас вместе. Здорово, что ты меня пригласила.

Мы отпили еще немного из своих бокалов, когда Маня испуганно вскрикнула:

– Ужас какой! Я же совсем забыла: мне на пару часиков нужно в город съездить, там у меня небольшая проблема с поставщиком.

– Так езжай, не волнуйся. Я прекрасно все посмотрю и без тебя. Это будет даже забавно. А поболтать мы еще успеем.

– Как ехать?! Я же выпила! Вот кулема!

– Да сколько ты там выпила? Два грамма.

– Нет, я так не могу. Ты что? Мой узнает, вообще заберет ключи от машины. Честно говоря, «мерседес» -то не мой, а его. Я пока безлошадная. Так что и тут, как видишь, у меня все, как у людей. Я лучше тормозну попутку. У нас водители всегда останавливаются. А меня так вообще любой с радостью подвезет. Я же тут всей округе торты пеку – на свадьбы там или юбилеи. Так что человек известный.

– Ну, как знаешь, если тебе так легче...

– Так ты не обидишься, если я отлучусь? Постараюсь вернуться как можно быстрее. А ты тут пока осматривайся, по поселку погуляй. Кухня на первом этаже. Если проголодаешься – холодильник полный. Бери все, что хочешь. А гости мои придут, познакомься, составь мнение о них. Мне это будет очень интересно и важно. Ну, все, дорогая, я побежала.

Мы чмокнули друг дружку в щечки, и Манечка унеслась переодеваться. Я осталась одна. Честно говоря, это было на руку. Сейчас мне просто необходимо побыть одной, переварить полученную информацию, все хорошенько обдумать и окончательно прийти в себя. То, что белый «мерс» не являлся собственностью Мани, меня почему-то успокоило. Неужели я становлюсь такой завистливой злыдней? Это грустно. Нет, нет, я уже не завидовала. Просто то, что я увидела и узнала, никак не совпадало с тем, что я себе навоображала. Ни на йоту.

Да ладно! Я запахнулась в Манин халат (цикломеновый костюм вместе с новыми шлепанцами сушился на веревке у бассейна) и пошла осматривать дом. В комнаты третьего этажа я решила не заходить, ведь они были уже заняты ранее прибывшими «представителями». Спустившись этажом ниже, я ознакомилась со спальнями Маниной семьи, которые были обставлены скромно и только самым необходимым. Никакого шика и ненужной помпезности. В детских спальнях вместо кроватей прямо на полу лежали широкие каркасные матрасы, обтянутые простынями с резинками по краям. У сына в комнате – простой компьютер, множество мячей, гантелей, кроссовок и спортивных журналов. Комната дочери отличалась только цветом обоев, наличием огромного зеркала и стеллажа с учебниками и журналами «Бурда» на немецком языке. Спальня самой Мани, как я поняла, находилась прямо под моей комнатой. Здесь тоже было безупречно чисто (как и везде) и очень просто. Письменный стол с папками для документов, пара стульев, шкаф для одежды и кровать с одной (!!!) подушкой. Интересно, а на чем спит строитель? Может, он йог, или Маня, соблюдая внешние приличия, решила не дразнить гусей в виде «представителей» прошлых семей? А если он здесь, и правда, не живет, то почему?.. Мой пакет с польским одеялом лежал поверх узорчатого покрывала.

Обойдя дом, ознакомившись с блестящей кухней, плиточный пол которой напоминал станцию метро, и содержимым холодильника, я сделала бутерброд, взяла большой помидор и вышла на улицу. Босая, в халате. Какой кайф! Давненько я не позволяла себе так восхитительно расслабиться!

В поселке было так тихо, как ранним утром в санатории для ветеранов жизни. Между домами вместо деревьев росли высокие сосны. Скорей всего они росли в этом месте уже тысячу лет, но при строительстве поселка кто-то разумно решил их не спиливать. На мой взгляд, этот коттеджный поселок следовало бы назвать не Осинкой, а Сосновкой. Ведь ни одной осины вокруг. Сосны тихонечко поскрипывали, где-то стучал дятел, временами раздавались трели каких-то птиц. Действительно красота. Сказочная. И покой. Блаженный и беспредельный. Ни тебе суеты, ни гудящей и снующей из стороны в сторону толпы, ни дымных автобусов. Я обошла дом, еще раз внимательно осмотрела бассейн и обнаружила рядом с ним навес, примыкающий одной стороной к дому, под которым были сложены мешки с цементом, банки с краской и несколько поддонов с кирпичами. Понятно, строительство еще продолжается. Здесь же, у самой стены дома были уложены поленья дров для камина.

Немного прогулявшись по заросшей травой единственной улочке, я почувствовала легкое головокружение. От избытка свежего воздуха и бокала мартини безумно захотелось спать. Я вернулась в дом, поднялась в свою комнату, сняла халат и нагишом улеглась в широкую кровать. Тело с удовольствием ощутило умеренно мягкий матрас и чистые, пахнущие хвоей простыни. Да, это, безусловно, не пыльный пол в избушке на курьих ножках. За последние сутки мне пришлось испытать так много потрясений, узнать столько нового и необычного, что все это бесконечно утомило меня. Я уснула быстро и крепко.

...Проснулась я от какого-то непонятного стука. Открыв глаза, я прислушалась. Через несколько секунд тихий стук повторился. Стучали явно в мою дверь.

– Да, – хриплым спросонья голосом сказала я и подтянула простыню до подбородка. – Да, кто там?

Дверь медленно приоткрылась, и в ее проеме показалась маленькая, худенькая востроносая старушка, с жиденьким пучком седых волос на затылке и в очках, сидящих на кончике носа. Вылитая старуха Шапокляк.

– Я не разбудила вас? – спросила старушка, смущено заглядывая в комнату. В руках у нее был какой-то сверток.

«Так... Мамочка второго мужа, ботаника», – мелькнуло у меня в голове.

– Нет, нет, что вы, я не спала, заходите, – я приподнялась в кровати, продолжая прикрывать простыней голые плечи.

– Вы уж извините за беспокойство, – старушка топталась на пороге. – Вот пришла познакомиться. Вы, наверно, Александра Игоревна?

– Так точно, это я. А вы...?

– Галина Ивановна. Тоже в гости приехала к Марьяне Серафимовне. Так я не помешаю?

– Да заходите, пожалуйста. К чему такие церемонии, только я немного не одета.

– Ничего, ничего, не волнуйтесь, – она наконец-то зашла, оглянулась по сторонам и присела на краюшек стула у кровати.

– У вас тоже комната хорошая, большая. А моя прямо напротив, через коридорчик. Как в гостинице. Я все же вас разбудила. Может, я попозже приду?

– Да сидите, – рассмеялась я и принялась натягивать Манин халат. – А ночью что я делать буду, если весь день в кровати проваляюсь? Все равно нужно вставать. А вы давно пришли?

– С полчаса. Светочка грибы на кухню понесла, Алик пошел купаться, а я вот к вам. У вас ничего не случилось? Мы все вчера так волновались, когда вы пропали. Марьяна Серафимовна всю ночь не спала, все звонила и даже плакала. Вы знаете?

– Да... – медленно проговорила я. – Да... Конечно, я в курсе.

– И он очень переживал, – сказала гостья, имея в виду, видимо, кандидата в мужья. – Так переживал, всю ночь почти ездил, искал вас.

– Да, – снова тупо промямлила я. – Но я уже нашлась, все хорошо.

– Я так рада с вами познакомиться, – старушка пересела на кровать поближе ко мне. – Марьяна Серафимовна так много о вас рассказывала. Как хорошо, когда люди так долго дружат, так замечательно. А где вы были? Но можете не рассказывать, если не хотите. У меня тоже бывали тайны, – она захихикала.

Я уже покинула кровать и завязывала потуже пояс, халат был великоват. Все мои мысли сейчас были обращены к Мане. Вот секретница! Конспиратор! И с чего это ей надо было убеждать меня в том, что совсем не волновалась? Что за характер!

– А я мама Виталика, – между тем продолжала старушка. – Вы знаете? Он был мужем Марьяны Серафимовны, – почему-то шепотом добавила она.

– Конечно, знаю. Марьяна мне рассказывала. И писала.

– Ой, она такая внимательная, такая хорошая. Виталик до сих пор ее любит, – снова перешла она на шепот. – А можно я вам фотографии покажу?

Не дожидаясь ответа, неожиданная гостья развернула свой сверток и достала оттуда альбом примерно фотографий на сто и средних размеров книжку в мягком переплете. Книжку она протянула мне.

– Вот хочу подарить вам, это работа моего сына. Вы знаете, он очень талантливый, весь в отца. Мой покойный муж тоже был ученым, но он занимался прикладной математикой. И книг у него не было, только монографии. А Виталик уже третью издал. Там его подпись на первой странице.

Я взяла книгу в руки и прочитала на обложке: «Виталий Седых. Дальнейшее развитие теории абелевых функций». Как мило! Я как раз недавно мечтала почитать именно об этом!

– Спасибо большое, Галина Ивановна. Я с удовольствием почитаю на досуге, – пообещала я, а старушка радостно заулыбалась.

– Я тоже до пенсии математику преподавала в средней школе. У меня непрерывный стаж сорок восемь лет!

– О!

– Да! Представьте только. А вот фотографии, посмотрите, – я под села к ней и заглянула в альбом. На первой странице за прозрачной пленкой была уже знакомая мне карточка со второго Маниного бракосочетания.

Словоохотливая дамочка минут десять рассказывала о своем замечательном сыне и бывшей невестке, упорно не давая перевернуть страницу. Наконец мне удалось сломить сопротивление сухонькой ручки и заглянуть на следующий разворот.

– А это моя вторая невестка, Ирина, – объяснила Галина Ивановна, а я увидела еще одну свадебную фотографию. Рядом с талантливым ботаником стояла безумно похожая на него женщина-ботаник: маленькая, худая, в очках с толстыми линзами, в строгом синем костюме.

– Очень симпатичная, – одобрила я. – Очень. И они так похожи, как братики. Верней, как брат с сестрой. Красивая пара. И оба так молодо выглядят!

– Вы находите? – дама пожала плечами. – Она неплохая, но уж больно много работает. Дома почти не бывает. Она преподает в нашем университете, доцент. А сын – профессор!

– Надо же, – я внимательно всмотрелась в ее лицо. – Молодчина какая! А я в математике совсем не рублю.

– Да что вы? Это же так просто! Когда вы книжку Виталика почитаете, то все поймете. У Ирины пока нет таких многотиражных изданий, – Галина Ивановна многозначительно поджала губы. – И знаете, она совсем не умеет готовить.

– Не может быть, – я потихоньку начинала терять терпение.

– Абсолютно! Ребенка кормит концентратами, представляете? Я Марьяне Серафимовне не говорила, а то она расстроится, – старушка снова перешла на заговорщицкий шепот.

– Какого ребенка, вашего? Ему уже сорок, наверное. Сам бы себе смог яичницу поджарить.

– И моего тоже. Но главное – своего. Вот посмотрите, это мой внук Илюшенька. Очень способный мальчик, очень! Если бы нормальное питание...

– У вас чудный мальчик, – прервала я ее.

Yes! Я была права. Бывшая свекруха приехала уговаривать Маню ее детку покачать. И откормить. Вот хитрюга! Я перевернула страницу. На новом развороте альбома была представлена уже вся математическая семья, включая и саму бабку. Семья клонов – все одинаково щуплые, остроносенькие и в очках. Даже мальчик трех-четырёх лет. И все такие серьезные, а в руках у мальчика толстая книжка. Странно, что остальные члены семьи не держали последнее издание Виталика. Да, ситуация критическая...

– Галина Ивановна, – сказала я. – Вы извините, мне очень срочно нужно позвонить маме, а то она будет волноваться. А вы не могли бы оставить альбом на вечер, я перед сном посмотрю внимательнее. Мне очень, очень интересно. Спасибо, что зашли, скрасили мое одиночество.

– Да что вы, не за что, – старушка Шапокляк с откровенным удовольствием протянула мне альбом. – Мы ведь еще найдем время поговорить. Приходите в гостиную, чайку попьем. Мы всегда перед обедом пьем чай.

Открывая дверь перед изрядно утомившей гостьей, я нечаянно ударила ею по морде стоявшей за нею премерзкой собаки, длинноногой и лохматой, скорее всего подслушивающей нашу занимательную беседу. Собака мгновенно отскочила назад и виновато заскулила.

– А это еще кто? – удивилась я. Подарок Виталика? О существовании в доме лохматых четвероногих приведений Маня не сообщила.

– Это Барсик, собачка Марьяны Серафимовны. Она ее на станции подобрала в прошлом году, – охотно пояснила Шапокляк.

– Кто бы сомневался. Ясно, что не в элитном питомнике...

С трудом избавившись от Барсика и внимания скромной мамочки гениального Виталика, я вышла на балкон и выпила пару глотков мартини. Бедная Маня! А я еще так наехала на нее в бассейне. Позавидовала... Да ее жалеть нужно! Мнение мне нужно составить... Да тут двух мнений просто не может быть.

Повернутая на уникальности сына бабка, считающая, что вокруг него должно вертеться все вокруг: и солнце, и звезды, и жены... Цель приезда очевидна. Первое. Уговорить Маню вернуться в качестве семейной стряпухи. Второе. Если это не удастся, уговорить ее взять на откорм и воспитание хотя бы внука Илюшу. Третье. Если не сработает и второй пункт, просто попросить денег на санаторное оздоровительное лечение сыночка и отдых за границей для внука. Бедная, бедная Маня!

Я вернулась в комнату и раскрыла шкаф. Ни одна из привезенных мною вещей не подходила к создавшемуся положению. Ни длинное платье со стразами, ни Шанель, ни короткие топы на бретельках. Единственный спортивный костюм висел на веревке за домом. Классическая банальная ситуация, знакомая каждой женщине: шкаф полный, а надеть нечего. Ненавижу банальности! Я выбрала скромную белую блузку (двести сорок баксов, между прочим, бутик на Тверской) и узкие черные брючки. Просто и элегантно. Воплощение скромности и добродетели. Выпив для драйва еще полбокальчика ароматного напитка, я спустилась вниз. В гостиной никого не было. Вероятно, постояльцы решили вздремнуть перед second breakfast. Но тут из кухни послышался звук падающего и разбивающегося стекла. Я бросилась на шум.

Посреди кухни стояла, беспомощно прижав ладони к лицу, молодая женщина, фигурой напоминавшая крымскую грушу. Плечи у нее были покатыми, торс узким, а бедра могли поспорничать с тремя такими, как я. Перед женщиной на полу лежал поднос с осколками чашек, блюдо и сахарницы. Услышав мои шаги, женщина-груша вскрикнула и открыла лицо. Глаза у нее были красными и припухшими, словно она недавно плакала.

– О, это вы? Ведь это вы?

Я оглянулась на всякий случай и, не увидев никого рядом, проговорила:

– Да, вроде, я. А что случилось?

– Этот поднос... Он упал как-то... Мариночка меня убьет. Я перебила за три дня уже столько посуды. От меня одни убытки, – она подошла ко мне, уткнулась носом в мое плечо и всхлипнула. – Я такая никчемная. Он был прав, что бросил меня. Вы знаете, от меня недавно ушел муж. Я ничего, ничего не умею. Вот скажите, за что это? Зачем мне жить? – она жалобно заплакала.

Так... Скорее всего, передо мной стояла вторая жена Маниного первого мужа. Вернее, его промежуточная жена: между первой и третьей. Депрессия налицо. В лучшем случае ее ждет свободная койка в отделении неврозов, в худшем – Кашенко.

– Меня зовут Александрой, – представилась я. – А вы...

– Я – Света, – шмыгнув носом и утерев слезы ладонью, проговорила она. – А можно я буду звать вас Шурочкой?

– Лучше Сашей, – я не прочь давать окружающим имена известных людей, литературных или киношных героев. Но самой стать тезкой героини «Гусарской баллады» как-то не хотелось. – Да, лучше Сашей, пожалуйста.

– Сашенька, милая, скажите, ну что мне делать? Я хотела чаем всех напоить и все испортила. Может, это еще можно склеить?

– Это все нужно выбросить, – решительно заявила я. – Тут есть какой-нибудь веник?

– Да, да, выбросить, – обрадовалась гениальности решения сложнейшего вопроса Груша. – Конечно же, мы сейчас возьмем веник и подметем, – она продолжала стоять, глядя на останки чайного сервиза. – Веник, потом еще нужен совок... Мы все сначала уберем в совок, а потом выбросим в ведро... А как вы думаете, сахар нужно собрать или тоже выбросить?

– Выбросить, конечно, – я уже с профессиональным интересом наблюдала за ней.

– Да, да... В нем же могут быть осколки! Мы не станем его собирать, а тоже сметем в совок, – Груша по имени Света по-прежнему не двигалась с места.

Я потихоньку теряла терпение. Эти размышления о смысле жизни окончатся когда-нибудь или будут длиться до ужина?

– А поднос, смотрите, Саша, поднос не разбился! Хорошо, что он железный, правда? Его можно поставить на место, он же целый совершенно...

Интереснейший экземпляр. По-моему она уже минут двадцать рассуждает о необходимости уборки, ничего при этом не предпринимая. Клиника. Безусловно, это клиника. Палата номер шесть. Бедная Маня!

– Хорошо, что я сливочник на поднос не поставила, – продолжала Груша, рассматривая осколки. – Места не хватило. А то бы и сливочник разбился. Хоть в чем-то повезло.

Редкое, просто редчайшее везенье. О, Боже! Дай мне силы!

– Давайте я уберу, – предложила я и обошла кухню в поисках веника.

– Ой, ну что вы! Вы же с дороги, так устали, наверное. И ночь не спали. Я-то спала, потому что Мариночка дала мне снотворное. А он очень не любил, когда я пила снотворное. Он говорил, что я становлюсь сонной тетерей. Ну, скажите, как можно назвать жену «сонной тетерей»? Но я же не виновата, что плохо сплю по ночам. И если днем не полежу с полчаса, то вообще не могу ни на чем сосредоточиться. А ведь он вначале так меня любил, так любил...

Я уже убрала с пола следы раздолбленного Маниного сервиза, высыпала осколки в урну, ополоснула под краном руки и сейчас искала в шкафчиках запасные чашки.

– Ой, какая вы быстрая, – восхитилась Свето-Груша. – Такая быстрая! У вас, наверно, все всегда получается!

Я включила электроплиту и поставила на нее наполненный чайник.

– Знаете, он сначала говорил: ты сама лучшая, самая хорошая, а потом перестал. Как можно передумать? Сначала самая лучшая, а потом – сонная тетеря? Мариночка говорит, что он ошибается, чтоб я его забыла, и что когда-нибудь он все поймет. Но как я могу его убедить, что я не тетеря, если он уже опять женился, – Груша снова расплакалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.